ИНСТИТУТ ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
4566
Т625

ТКАЧЕВЪ

АНАРХІЯ МЫСЛИ

T 625

АНАРХІЯ МЫСЛИ

СОБРАНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ

П. Н. ТКАЧЕВА

Изданіе Журнала „НАБАТЪ“

ЛОНДОНЪ

Типографія журнала „НАБАТЪ.“

1879

К.

ЦБ6
Т625

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
221
26 У10380

2011

АНАРХІЯ МЫСЛИ

I

Въ послѣднее время число русскихъ книгъ, изданныхъ заграницею, и въ особенности, книгъ революціоннаго и опозиціоннаго характера, стало быстро увеличиваться, и нѣтъ сомнѣнія, что пропорціонально правительственному гнету оно будетъ прогрессивно возростать.

Самодурный деспотизмъ тщетно старается уложить на прокустово ложе императорской цензуры нашу бѣдную, поруганную, по рукамъ и ногамъ связанную, мысль. Запертая въ мрачной темницѣ, лишенная свѣта, воздуха и пищи, прикованная на цѣпь къ стѣнѣ самодержавнаго произвола, неугомонная и ненавистная, ему мысль все таки ростетъ и крѣпнетъ. Она выросла изъ своихъ оковъ, и смирительная рубашка едва, едва сходится на ея наболѣвшей спинѣ. Она ищетъ себѣ простора, она хочетъ свободы. Не находя ни того, ни другаго въ темничномъ склепѣ, она начинаетъ, мало по малу, крадучись и прячась, выползать изъ него на чистый, вольный воздухъ.

Напрасно тюремщики удвоиваютъ свою бдительность, напрасно наваливаютъ они камень на камень къ дверямъ ея склепа. Никакія стѣны ее не удержатъ, никакія камни не преградятъ ея пути. Она пройдетъ всюду, и никакая власть

не въ силахъ помирить ее съ темницею, пріучить къ могильному безмолвію.

Вы вырѣзали ей языкъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Казани, Кіевѣ, а она заговорила въ Женевѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ. И чѣмъ больше и настойчивѣе будете вы ее душить у себя дома, тѣмъ громче и рѣзче она станетъ кричать здѣсь, за границей. И этотъ крикъ, рано или поздно, соблазнитъ самыхъ вѣрноподданнѣйшихъ изъ вѣрноподданныхъ, самыхъ трусливѣйшихъ изъ трусовъ.

Какъ не уродуйте и не оболванивайте человѣка, а все же вы не можете истребить въ немъ потребности думать.

И эта потребность, не находя себѣ никакой пищи на разоренныхъ, выжженныхъ, потоптанныхъ поляхъ изуродованной, обезсиленной, заклейменной, *„одобренной и процензурованной“* литературѣ, ищетъ, и необходимо должна ее искать, въ литературѣ *нецензурной*, запрещенной, потаенной, — въ литературѣ заграничной.

Вотъ почему эта литература съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее и большее число читателей въ Россіи, и, быть можетъ, скоро ей суждено будетъ занять первенствующую роль въ умственномъ прогрессѣ нашего общества.

Она представляетъ пока единственную почву для всесторонняго развитія забитой русской мысли. Развитіе это будетъ, разумѣется, въ значительной степени зависить и отъ условій и характера самой почвы.

Чѣмъ свободнѣе будетъ послѣдняя, тѣмъ скорѣе и роскошнѣе разовьется первая.

Свобода, которую требуетъ мысль, предполагаетъ не одно лишь отсутствіе полицейскаго стѣсненія, но — и это самое главное—*свободу критики*. Гдѣ нѣтъ послѣдней, тамъ мысль вянетъ, глохнетъ еще скорѣе, чѣмъ подъ гнетомъ полицейскихъ преслѣдованій.

Критика—это условіе sine qua non ея правильнаго развитія; она ее питаетъ, укрѣпляетъ, одушевляетъ. Оградите мысль отъ критики, и она превратится въ мертвую догму,

не успѣвъ вырости и развиться, она состарится, обезцвѣтится, износится.

Вотъ почему мы и открываемъ въ нашемъ журналѣ*) *отдѣлъ критики* русскихъ сочиненій, выходящихъ заграницей и, преимущественно, сочиненій революціоннаго характера. Мы считаемъ въ высшей степени не цѣлесообразнымъ и вреднымъ—или проходить ихъ, какъ обыкновенно дѣлается, молчаніемъ, или отдѣлываться отъ нихъ вѣжливыми расшаркиваніями, лаконическою рекомендаціею, поощрительными привѣтствіями и т. п. Если мы, революціонеры, пользуясь здѣсь всѣми удобствами свободной прессы, будемъ стыдливо воздерживаться отъ высказыванія нашего откровеннаго мнѣнія о продуктахъ нашей революціонной мысли, — то отъ кого же она его услышитъ? Гдѣ она найдетъ своихъ безпристрастныхъ критиковъ? Не въ императорской ли Россіи?.....

Мы знаемъ, что наше нововведеніе не всѣмъ понравится, найдутся, пожалуй, проницательные люди, которые станутъ объяснять себѣ наше критическое отношеніе къ русской революціонной прессѣ инымъ, какъ гнуснымъ желаніемъ: „сѣять раздоры,“ вносить распри и полемику въ дружный хоръ революціонныхъ запѣвалъ.

Но мы не боимся этихъ обвиненій: ихъ нелѣпость и безсмысліе слишкомъ очевидны. Какъ — выяснять и развивать революціонную мысль, не позволять ей окаменѣть въ мертвыхъ формахъ догмы, исправлять ея заблужденія, очищать наши идеи отъ лжи, нелѣпостей и искаженій — это значитъ разъединить революціонную партію, сѣять среди нея раздоры?

Что же это за партія, что это за глупые и тупые люди, которые не имѣютъ даже смѣлости критически относиться къ своимъ мыслямъ, которые видятъ предательство въ раскрытіи имъ ихъ ошибокъ, измѣну — въ безпристрастномъ обсужденіи ихъ воззрѣній.

*) Въ „Набатѣ.“

Нѣтъ, революціонеры, искренно преданные своему дѣлу, не могутъ, не должны относиться такимъ безсмысленнымъ образомъ къ критикѣ произведеній своей прессы. Они должны знать, что разъясненіе и провѣрка революціонныхъ идей не разъединяетъ партію, а, напротивъ, содѣйствуетъ ея объединенію и обобщаетъ ея программу.

Нашъ критическій обзоръ русской заграничной литературы мы начнемъ съ группы изданій, имѣющихъ чисто революціонный характеръ, — съ произведеній нашей революціонной прессы.

Изъ этихъ произведеній для насъ имѣютъ первенствующую важность и интересъ, разумѣется, тѣ, въ которыхъ разъясняются молодежи ея революціонные идеалы, подаются ей совѣты и указанія относительно ея революціонной практики, въ которыхъ, однимъ словомъ, такъ или иначе, разрѣшаются основные вопросы ея дѣятельности. Ими-то мы теперь и займемся.

Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести, во первыхъ, довольно объемистую книгу, изданную „соціально-революціонной партіей," подъ заглавіемъ: „Государственность и Анархія" (1873 г.), во вторыхъ, „Къ русской соціально-революціонной молодежи" (1874), небольшая брошюрка, изданная редакціею журнала „Впередъ" и, наконецъ, въ третьихъ, программа „Общины русскихъ анархистовъ" въ Женевѣ, написанная въ видѣ воззванія къ русскимъ революціонерамъ.

Каждое изъ этихъ произведеній выражаетъ собою какъ бы profession de foi тѣхъ трехъ различныхъ фракцій, на которыя подѣлили себя наши революціонеры, живущіе заграницею,—фракціи такъ называемыхъ *бакунистовъ*, *лавристовъ* или Впередовцевъ, и женевскихъ ан-архистовъ (издателей газеты „Работникъ").

Что раздѣляетъ эти фракціи и есть ли вообще какое нибудь существенное различіе въ ихъ міросозерцаніи — это намъ вполнѣ выяснится при разборѣ продуктовъ ихъ мысли.

II

Мы начнемъ съ „Государственности и Анархіи." Книга эта, какъ извѣстно, года два, полтора тому назадъ, распространилась въ Россіи весьма дѣятельно и имѣла, безспорно, огромное вліяніе на направленіе мыслей нашей революціонной молодежи. Уже это одно заставляетъ насъ отнестись къ ней съ особеннымъ вниманіемъ. Но, кромѣ того, нельзя не признать, что она написана съ большимъ талантомъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ея части) и, по своей внѣшней, не лишенной блеска и остроумія формѣ, рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ произведеній заграничной революціонной прессы.

Къ несчастію, этого нельзя сказать о ея внутреннемъ содержаніи. Оно отличается крайнею безалаберностію и нерѣдко даже полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой логической связи между отдѣльными мыслями и предложеніями. Событія современной дѣйствительности, вырванныя совершенно произвольно изъ общей картины европейской жизни, проходятъ передъ нашими глазами въ какомъ - то хаотическомъ безпорядкѣ, спутываясь, переплетаясь и окончательно улетучиваясь въ туманныхъ областяхъ какихъ-то *высшихъ* государственно-политическихъ соображеній.

Вообще, все содержаніе книги находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основнымъ догматомъ вѣроученія той „соціально-революціонной" или „анархической партіи," на иждевеніе которой она издана. Партія эта отрицаетъ *политику* въ томъ смыслѣ, что считаетъ недостойнымъ себя заниматься какими бы то ни было политическими комбинаціями, впутываться въ европейскую дипломатію и совершенно игнорируетъ государственную сторону народной жизни.

Между тѣмъ, „Государственность и Анархія," съ первой

до послѣдней страницы, наполнена исключительно лишь разсужденіями о различныхъ чисто-государственныхъ, дипломатическихъ вопросахъ: о пангерманизмѣ и панславизмѣ, о Бисмаркѣ и Гамбеттѣ, о прусской политикѣ и прусскомъ флотѣ, о таможенномъ союзѣ, объ отношеніяхъ австрійской политики къ славянскимъ народамъ, о естественныхъ и неестественныхъ дипломатическихъ союзахъ, о томъ, что можетъ произойти въ случаѣ войны Пруссіи съ Россіей, о мнимыхъ или дѣйствительныхъ ошибкахъ европейскихъ политиковъ и т. д., и т. д. Всѣ эти вопросы, можетъ быть, весьма любопытны, — но только для публики извѣстнаго сорта, — для публики, слѣдящей за передовыми статьями „буржуазныхъ“ газетъ, занимающейся „буржуазной“ политикой,—публики, интересы которой не имѣютъ ничего общаго съ интересами соціально-революціонной партіи.

Разумѣется, мы не станемъ здѣсь анализировать политико-дипломатическія соображенія автора „Государственности и Анархіи“; хотя подчасъ онѣ не лишены нѣкотораго остроумія (особенно тамъ, гдѣ авторъ „отдѣлываетъ“ нѣмцевъ, къ которымъ онъ питаетъ непримиримую ненависть, унаслѣдованную, очевидно, отъ русскихъ славянофиловъ), но въ цѣломъ онѣ довольно скучны и отличаются какимъ-то фельетоннымъ характеромъ.

Единственная оригинальная мысль, которую можно извлечь изъ нихъ и на которую авторъ напираетъ съ особенною силою (отчего, впрочемъ, она нисколько не становится болѣе убѣдительною) можетъ быть формулирована такимъ образомъ: „нѣмцы—прирожденные государственники; государственность преобладаетъ въ нихъ надъ всѣми другими страстями и рѣшительно подавляетъ въ нихъ инстинктъ свободы“ (стр. 144); „наслѣдственное послушаніе и стремленіе къ политическому преобладанію составляютъ основныя черты его (т. е. нѣмца) существа“ (стр. 303). Напротивъ, народы славянскіе и романскіе—преимущественно испанцы и итальянцы—прирожденные анархисты, непримиримые враги всякой государственности и централизаціи. Отсюда выводъ: Испанія, Италія и Славянскій міръ стоятъ ближе всего къ соціальной революціи: Германія, со своими Бисмарками и Марксами—всего дальше.

Быть можетъ, это заключеніе и не лишено нѣкоторой доли остроумія, но... это все, что объ немъ можно сказать; относиться къ нему серьезно невозможно. Кто же не знаетъ, что всѣ эти широкія обобщенія, произвольно вырывающія изъ народной жизни одну какую нибудь черту и превращающія ее въ характеристику народа, подводящія всѣ его разнообразныя свойства и наклонности подъ одну однообразную форму, наклеивающія на цѣлыя націи ярлыки съ лаконическими надписями: „легкомысленная,“ „солидно-основательная,“ „развращенная,“ „добродѣтельная,“ „нація анархистовъ,“ „нація государственниковъ“ и т. п.,—что всѣ эти фантастическія обобщенія относятся къ области чистѣйшей поэзіи и риторики, что это—не болѣе, какъ метафоры.

Правда, авторъ смотритъ на эти метафоры серьезно, онъ видитъ въ нихъ нѣчто реальное и старается даже доказать ихъ истинность различными историческими и политическими соображеніями; но его историческія аргументаціи и его политическія умствованія весьма мало убѣдительны.

Отправляясь отъ фактовъ государственной, правительственной исторіи,—исторіи дипломатіи, — онъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за нихъ весь народъ, онъ приписываетъ ему всѣ тѣ хищническія наклонности, всѣ тѣ властолюбивыя похоти, которыми отличаются его правители и дипломаты.

Затѣмъ, онъ постоянно отождествляетъ стремленіе къ племенному объединенію съ централизаціею, а идею централизаціи—съ идеей государственности, племенную рознь — съ децентрализаціей, а послѣднюю — съ идеею анархіи. Отсюда само собою понятно, какое достоинство могутъ имѣть выводы, построенные на такихъ невѣрныхъ историческихъ посылкахъ, на такомъ ребяческомъ смѣшеніи рѣзко отличающихся одно отъ другаго понятій.

Останавливаться на нихъ долѣе, очевидно, не стоитъ. Да при томъ же они и отношенія - то никакого не имѣютъ съ тою *программою* партіи, выраженіемъ которой должна служить эта книга. Вотъ эта программа, какъ ее излагаетъ самъ авторъ:

„Мы, революціонеры-анархисты, поборники всенароднаго образованія, освобожденія и широкаго развитія общественной жизни, а потому враги государства и всякаго государствованія, въ противоположность всѣмъ метафизикамъ, позитивистамъ и всѣмъ ученымъ и неученымъ поклонникамъ богини науки, мы утверждаемъ, что жизнь естественная и общественная всегда предшествуетъ мысли, которая есть только одна изъ функцій ея, но никогда не бываетъ ея результатомъ; что она развивается изъ собственной неизсякаемой глубины, рядомъ различныхъ фактовъ, а не рядомъ абстрактныхъ рефлексій, и что послѣднія, всегда производимыя ею и никогда ее не производящія, указываютъ только, какъ верстовыя столбы, на ея направленіе и на различные фазисы ея самостоятельнаго и самороднаго развитія.

„Сообразно такому убѣжденію, мы не только не имѣемъ намѣренія и ни малѣйшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеалъ общественнаго устройства, вычитаннаго изъ книжекъ или выдуманнаго нами самими, но въ убѣжденіи, что народныя массы носятъ въ своихъ, болѣе или менѣе развитыхъ исторіею инстинктахъ, въ своихъ насущныхъ потребностяхъ и въ своихъ стремленіяхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ, всѣ элементы своей будущей нормальной организаціи, мы ищемъ этого идеала въ самомъ народѣ; а такъ какъ всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положенію, поставленное внѣ народа, надъ нимъ, непремѣннымъ образомъ должно стремиться къ подчиненію его порядкамъ и цѣлямъ ему чуждымъ, то мы объявляемъ себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственнаго устройства вообще и думаемъ, что народъ можетъ быть только тогда счастливъ, свободенъ, когда, организуясь снизу вверхъ, путемъ самостоятельныхъ и совершенно свободныхъ соединеній и помимо всякой оффиціальной опеки, но не помимо различныхъ и равно свободныхъ вліяній лицъ и партій, онъ самъ создастъ свою жизнь.

„Таковы убѣжденія соціальныхъ революціонеровъ и за это насъ называютъ анархистами. Мы противъ этого названія не протестуемъ, потому что мы дѣйствительно враги всякой власти, ибо знаемъ, что власть дѣйствуетъ столь же развратительно на тѣхъ, кто облеченъ ею, сколько и на тѣхъ, кто принужденъ ей покоряться.“

Здѣсь въ сжатой формѣ представлена вся *философія* анархіи, вся ея *научная* аргументація; другихъ аргументовъ у нея нѣтъ. Разсмотримъ же безпристрастно эту аргументацію, вникнемъ въ сущность этой философіи.

Основное ея положеніе формулируется авторомъ такимъ образомъ: „жизнь естественная и общественная всегда предшествуетъ мысли, которая есть только одна изъ функцій ея, но никогда не бываетъ ея результатомъ.“

Что не бываетъ результатомъ? По грамматическому смыслу фразы слѣдуетъ, что „мысль никогда не бываетъ результатомъ жизни.“ Но, очевидно, авторъ хотѣлъ сказать, какъ разъ наоборотъ, т. е. что жизнь никогда не бываетъ результатомъ мысли, что первая предшествуетъ второй. Но и при этой грамматической поправкѣ,—логическій смыслъ фразы не много выигрываетъ. Можно ли сказать, что жизнь предшествуетъ мысли, что мысль есть результатъ ея, когда самъ авторъ утверждаетъ, что „мысль есть одна изъ функцій жизни?“ Мысль, или, выражаясь точнѣе, мозговая дѣятельность, подобно дѣятельности пищеварительныхъ органовъ, дѣятельности легкихъ, сердца и т. п., не можетъ ни предшествовать человѣческой, а, слѣдовательно, и общественной жизни, ни составлять ея результата; она образуетъ одну изъ ея необходимѣйшихъ и неустранимѣйшихъ составныхъ частей.

Но откуда она черпаетъ матеріалы для своихъ теоретическихъ построеній? Конечно, не съ неба, не изъ самой

себя, а изъ фактовъ окружающей ея жизни, фактовъ, которые, однако, въ значительной степени ей же обязаны своимъ существованіемъ. Но если общественные факты даютъ главное содержаніе дѣятельности мысли, то мы можемъ сказать, что всѣ ея теоріи суть ничто иное, какъ результатъ этихъ фактовъ, — что послѣдніе предшествуютъ первымъ.

Очевидно, что эту-то именно идею и желалъ выразить авторъ въ своей „основной" посылкѣ, — посылкѣ, потерявшей подъ его перомъ всякій, не только грамматическій, но и логическій смыслъ.

Идея эта совершенно вѣрна, и она давно уже стала безспорною аксіомою общественныхъ наукъ. Авторъ глубоко заблуждается, увѣряя, будто ее отрицаютъ „позитивисты" и вообще всѣ „ученые и не ученые поклонники богини науки." Ее отрицали, это правда, нѣмецкіе метафизики гегеліанской школы, которые уже давно сданы въ архивъ, и вспоминать о которыхъ теперь даже совѣстно. Неужели авторъ не знаетъ этого?

Посмотримъ, однако, какой же выводъ дѣлаетъ авторъ изъ этой, имъ не понятой и дурно выраженной, но въ основѣ вполнѣ справедливой посылки.

Всѣ научныя теоріи создаются подъ вліяніемъ извѣстныхъ общественныхъ факторовъ,—отсюда, говоритъ авторъ, слѣдуетъ, что первыя не могутъ измѣнять послѣднихъ.

Но отчего же это слѣдуетъ? Оттого, что *А* произвело *В*, нельзя еще вывести заключенія, что *В* не можетъ измѣнить *А*. Напротивъ, мы на каждомъ шагу видимъ, что въ общественной жизни между причинами и слѣдствіями всегда существуютъ двоякаго рода отношенія: причина порождаетъ слѣдствіе, а слѣдствіе видоизмѣняетъ причину. Человѣкъ изобрѣтаетъ извѣстнаго рода пищу, а пища, въ свою очередь, видоизмѣняетъ человѣка; данный общественный строй привелъ къ изобрѣтенію машинъ, къ введенію машиннаго производства, а машинное производство видоизмѣнило общественный строй и т. д., и т. д. И всѣ переживаемыя человѣчествомъ общественныя метаморфозы—всѣ онѣ совершались при участіи мысли; мысль постоянно измѣняла общество, хотя сама она была лишь продуктомъ этого общества.

Какой же смыслъ могутъ имѣть, послѣ этого, заключенія автора, утверждающаго, будто мысль, т. е. наука, безсильна измѣнить жизнь, потому что весь свой матеріалъ она заимствуетъ изъ послѣдней? Если бы это было такъ, въ такомъ случаѣ — общественная жизнь никогда не должна бы была измѣняться; всѣ ея факторы вырабатываются подъ ея собственнымъ вліяніемъ, слѣдовательно, по логикѣ автора, ни одинъ изъ нихъ не можетъ содѣйствовать ни ея улучшенію, ни ея ухудшенію, ни вообще ея развитію.

Не правда ли, логика оригинальная и весьма мало похожая на общечеловѣческую? Если бы авторъ съумѣлъ до конца остаться ей вѣренъ, онъ долженъ былъ бы придти къ такимъ выводамъ, которые бы даже консервативнѣйшему изъ консервативныхъ философовъ, статскому совѣтнику Гегелю, показались бы черезчуръ консервативными. Но авторъ, въ дальнѣйшей своей аргументаціи, измѣнилъ ей. Рѣшивъ при ея помощи, что мысль, наука, жизни перестроить не могутъ, онъ затѣмъ утверждаетъ, будто она должна перестроиваться народными инстинктами,—„сознательными и безсознательными стремленіями," „насущными потребностями народныхъ массъ," что въ этихъ инстинктахъ, стремленіяхъ и потребностяхъ заключаются „всѣ элементы будущихъ, нормальныхъ отношеній общества."

Что же это такое? Насмѣшка надъ здравымъ смысломъ или иронія надъ предполагаемымъ тупоуміемъ читателей? Насъ только что увѣряли, что наука не можетъ измѣнить жизни, потому что она сама развивается подъ ея вліяніемъ,—теперь же намъ говорятъ, что жизнь можетъ и должна измѣняться и переустроиваться сообразно „народнымъ инстинктамъ," „потребностямъ" и „стремленіямъ." Да развѣ

эти инстинкты, потребности и стремленія не суть продукты исторіи, развѣ не жизнь ихъ вырабатывала и развивала?

Нѣтъ, авторъ не отвергаетъ, что народные инстинкты „болѣе или менѣе развиты исторіею," т. е. данными условіями общественной среды. Почему же онъ отдаетъ имъ предпочтеніе передъ сознательною, научною мыслью? Вѣдь и они заимствуютъ свой матеріалъ изъ того же самого источника, какъ и послѣдняя—изъ фактовъ народной жизни. Въ мысли нѣтъ ничего такого, чего бы не было въ инстинктѣ. Вся разница только въ томъ, что послѣдній безсознателенъ, безотчетенъ и потому не всегда логиченъ и послѣдователенъ, онъ дѣйствуетъ ощупью, — съ завязанными глазами, первая же — отдаетъ себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ, она постоянно сама себя контролируетъ и провѣряетъ; она ясно видитъ цѣль и идетъ къ ней твердо и прямо, не отвлекаясь и не уклоняясь въ сторону; говоря короче: одинъ—не разуменъ, другая—разумна; одинъ—теменъ, сложенъ, неопредѣленъ, другая — проста, ясна и опредѣленна. Первый относится ко второй, какъ эмбріонъ къ развитому организму.

Скажите же, бога ради, отчего же народные идеалы яснѣе должны отражаться въ „мутной водѣ" инстинкта, чѣмъ въ „полированномъ зеркалѣ" мысли? Отчего идеалы инстинктивные могутъ пересоздать жизнь, а идеалы сознательные не могутъ?

Анархисты говорятъ, что сознательные идеалы вырабатываются лишь меньшинствомъ, что меньшинство это стоитъ внѣ народа, тогда какъ идеалы инстинктивные присущи всему народу,—отсюда они замѣчаютъ, что послѣдніе *народны*, а первые—нѣтъ.

Опять заключеніе не сообразное ни съ какою человѣческою логикою. Народность идеала опредѣляется его содержаніемъ, а содержаніе зависитъ отъ того матеріала, изъ котораго онъ построенъ. Если человѣкъ „меньшинства" черпаетъ этотъ матеріалъ изъ жизни буржуазнаго общества,

изъ міра мошеннической эксплоатаціи, изъ міра лавки, биржи и т. п. — его идеалы и теоріи будутъ имѣть хврактеръ анти-народный, буржуазный (таковы, напр., идеалы и теоріи такъ называемой, науки политической экономіи). Если же онъ черпаетъ его изъ народной жизни,—изъ міра труда, изъ міра рабочаго,—то они, по существу своему, будутъ народными, анти-буржуазными (таковы, напр., идеалы коммунизма и т. д.). Все это истины такія азбучныя, что смѣшно даже и настаивать на нихъ.

Но насъ увѣряютъ, будто человѣкъ меньшинства не можетъ вполнѣ понять и уяснить себѣ страданія большинства, потому что онъ самъ не испыталъ ихъ на своей собственной шкурѣ.

И это не вѣрно. Развѣ докторъ, никогда не страдавшій ни лихорадкой, ни тифомъ, менѣе способенъ понять и уяснить себѣ сущность, причины этихъ болѣзней и средства къ ихъ излеченію, чѣмъ самъ больной?

Конечно, человѣкъ меньшинства, человѣкъ интелигенціи, не можетъ такъ сильно *чувствовать* страданія народа, какъ ихъ чувствуетъ самъ народъ, но именно потому - то онъ ихъ лучше *понимаетъ*, онъ относится къ нимъ объективнѣе, онъ анализируетъ ихъ всестороннѣе и въ его міросозерцаніи не можетъ быть той неясности, спутанности, тѣхъ противорѣчій, которыя сами анархисты признаютъ въ такъ называемыхъ „народныхъ инстинктахъ."

Въ своей философіи они торжественно утверждаютъ, что „въ инстинктахъ народа, болѣе или менѣе развитыхъ исторіей," заключаются всѣ элементы будущей нормальной организаціи. Но, спускаясь съ метафизическихъ высотъ на землю и начиная анализировать дѣйствительно существующіе инстинкты, потребности и стремленія нѣмецкаго, французскаго, русскаго и т. п. народовъ, они приходятъ къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ.

Такъ, напр., оказывается, что у нѣмцевъ преобладаетъ инстинктъ рабства и стремленіе къ государственности, слѣ-

довательно, въ ихъ инстинктахъ и стремленіяхъ нельзя искать „элементовъ будущей нормальной организаціи“ общества.

У русскихъ инстинктивный идеалъ имѣетъ *три хорошихъ* черты. (1. убѣжденіе, что земля принадлежитъ всему народу; 2. что на пользованіе ею имѣетъ право не лицо, а міръ, община; 3. враждебное отношеніе общины къ государству) и *четыре дурныхъ* (патріархальность, поглощеніе лица міромъ, вѣра въ царя и христіанская религія). Значитъ, и въ идеалѣ русскаго народа нельзя искать „всѣхъ элементовъ будущей нормальной общественной организаціи.“ Если народъ получитъ возможность свободно и безъ помѣхи провести его въ практическую жизнь, то въ результатѣ получится такая организація, которую сами анархисты считаютъ противоестественной, ненормальной.

Что же это такое? Съ одной стороны русскую молодежь увѣряютъ, что дѣло революціонера, „народное дѣло,“ состоитъ единственно въ осуществленіи *„народнаго идеала“* (прим. А. стр. 14), съ другой, ей говорятъ, что народный идеалъ только тогда и будетъ соотвѣтствовать „нормальной общественной организаціи,“ только тогда и долженъ быть осуществленъ, когда революціонеры его исправятъ, когда они очистятъ его отъ всего дурнаго и ненормальнаго.

На основаніи какого же критерія они находятъ дурнымъ и ненормальнымъ политическій фатализмъ народа, выражающійся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи *вѣрою въ царя*, его патріархальность (т. е. весь строй его семейной жизни), его религіозность (которую, впрочемъ, мало кто въ немъ замѣчалъ), наконецъ, то подчиненіе лица міру, которое составляетъ одинъ изъ основнѣйшихъ принциповъ его общины? Очевидно, этотъ критерій почерпнутъ ими не „изъ нѣдръ народнаго сознанія“; очевидно, онъ основанъ не на „инстинктахъ и стремленіяхъ народа?“ Онъ заимствованъ изъ той самой науки, изъ той, чуждой предразсудковъ, сознательной мысли меньшинства, къ которымъ

они относятся съ такимъ пренебреженіемъ, которыя, по ихъ мнѣнію, не должны играть никакой роли въ перестройкѣ общественныхъ отношеній.. Опираясь на эту „мысль,“ они вычеркиваютъ изъ народнаго идеала его существеннѣйшія и наиболѣе характеристичныя черты, и въ то же время преклоняются передъ этимъ идеаломъ, видятъ въ немъ „всѣ элементы будущей, нормальной организаціи общества.“

Какъ возможно дойти до такой степени лицемѣрія или непослѣдовательности?

Одно изъ двухъ: или въ народномъ идеалѣ, въ народныхъ инстинктахъ, дѣйствительно заключаются „всѣ элементы нормальной организаціи будущаго общества,“ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, чѣмъ полнѣе осуществится этотъ идеалъ, чѣмъ болѣе простора будетъ предоставлено развитію этихъ инстинктовъ, тѣмъ лучше. Во второмъ—наоборотъ: полное осуществленіе народныхъ идеаловъ, безпрепятственное развитіе народныхъ инстинктовъ, лишь тогда приведетъ къ нормальной организаціи общества, когда эти идеалы будутъ очищены, эти инстинты перевоспитаны. Это такъ же очевидно, какъ дважды два—четыре.

Но для анархистовъ это не очевидно: они хотятъ и неприкосновенность народныхъ идеаловъ соблюсти и замѣнить данную ненормальную общественную организацію—организаціей нормальной. Задача могла бы быть разрѣшена, если бы первые не находились въ противорѣчіи съ послѣднею. Но они признаютъ, что противорѣчіе существуетъ. Что же дѣлать? Какъ выйти изъ запутаннаго лабиринта другъ друга уничтожающихъ положеній?

Поищемъ, не найдемъ ли отвѣта на этотъ вопросъ въ той программѣ, или лучше, въ тѣхъ программахъ практической дѣятельнасти, которыя анархисты рекомендуютъ нашимъ революціонерамъ.

Переходя къ разъясненію молодежи практически-революціонной дѣятельности, авторъ „Государственности и Анархіи“ останавливается на двухъ главныхъ и, по его мнѣнію,

противоположныхъ направленіяхъ, которыя „выдѣляются теперь изъ общей неурядицы мыслей."

Одно направленіе болѣе миролюбиваго и подготовительнаго свойства; другое — „боевое, бунтовское." Поборники перваго направленія, говоритъ авторъ, „въ настоящую возможность (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, „въ возможность въ настоящемъ") революціи не вѣрятъ." Но, не желая оставаться „покойными зрителями народныхъ бѣдъ," они идутъ въ народъ, для того, чтобы, работая наравнѣ съ нимъ, распространять среди него „духъ общенія." (стр. 18)

Цѣль ихъ — подготовить народъ къ революціи, развить его до практическаго пониманія „справедливости, свободы и средствъ къ освобожденію," исправить и очистить его идеалъ. Авторъ находитъ цѣль эту утопическою. „Тѣ, говоритъ онъ, которые рисуютъ себѣ такіе планы и искренне намѣрены осуществить ихъ, дѣлаютъ это, безъ сомнѣнія, закрывши глаза, для того, чтобы не видѣть всего безобразія нашей русской дѣйствительности. Можно напередъ предсказать имъ всѣ страшныя, тяжкія разочарованія, которыя постигнутъ ихъ при самомъ началѣ исполненія, потому что, за исключеніемъ развѣ немногихъ счастливыхъ случаевъ, большинство между ними дальше начала не пойдетъ, не будетъ въ силахъ идти." (стр. 19)

И такъ, путь медленнаго и постепеннаго подготовленія, путь пропаганды отрицается нашимъ авторомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Никакихъ сомнѣній и недоразумѣній на этотъ счетъ быть не можетъ. Прекрасно. Но что же взамѣнъ этого предлагается молодежи? Что она должна дѣлать?

Заниматься пропагандой, подготовленіемъ и развитіемъ въ народѣ „духа общенія."

Какъ такъ, — но вѣдь сейчасъ только авторъ доказывалъ, что именно *этимъ-то* и не нужно заниматься? Возможна ли такая грубая, такая очевидная непослѣдовательность?

А вотъ слушайте и вы убѣдитесь въ ея возможности.

«Народъ нашъ, говоритъ авторъ, явнымъ образомъ нуждается въ помощи» — въ помощи нашей революціонной молодежи». Признаніе нѣсколько странное въ устахъ человѣка, сдѣлавшаго изъ народа своего бога. На 9 страницѣ того же „Прибавленія А" авторъ увѣрялъ, будто „самые прославленные геніи" ничего не могутъ сдѣлать для народа, потому что „народная жизнь, народное развитіе, народный прогрессъ принадлежатъ *исключительно* самому народу"; далѣе, на страницѣ 10, говорилось, что народу «отъ привилегированныхъ классовъ ждать нечего». И вдругъ теперь оказывается, что народъ безъ помощи насъ, революціоннаго и привилегированнаго меньшинства, ничего не можетъ сдѣлать, что наша помощь ему необходима. Прекрасно — примемъ это къ свѣдѣнію. Въ чемъ же должна состоять наша помощь?

«Народъ находится въ такомъ тяжкомъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню, — говоритъ авторъ, — однако, замѣчаетъ онъ, частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять вдругъ *всѣ* деревни.» (стр. 19) Но деревни разъединены, разрознены; онѣ не живутъ общею жизнью, между ними не существуетъ никакой солидарности. Авторъ вполнѣ съ этимъ соглашается и видитъ въ этомъ „главный недостатокъ, парализирующій и дѣлающій до сихъ поръ невозможнымъ всеобщее народное возстаніе." (стр. 20) Потому онъ предлагаетъ молодежи заняться прежде всего объединеніемъ замкнутыхъ, мѣстныхъ, крестьянскихъ міровъ. „Нужно, говоритъ онъ, связать лучшихъ крестьянъ этихъ деревень, волостей и по возможности *областей*" (какихъ это областей?); затѣмъ „надо убѣдить ихъ, а черезъ нихъ, если не весь народъ, то, по крайней мѣрѣ, значительную и наиболѣе энергичную часть его, что для цѣлаго народа, для всѣхъ деревень, волостей и областей въ цѣлой Россіи, да также и внѣ Россіи суще-

Библиотека Института Дружбы

ствуетъ одна общая бѣда, а потому и одно общее дѣло.' Наконецъ, необходимо, чтобы села, волости и области связались и организовались по одному общему плану.."

Задача, какъ видите, нелегкая. Но это еще не все. „Прямая обязанность нашей революціонной молодежи противудѣйствовать недостаткамъ народнаго идеала и употребить всѣ усилія, чтобы побороть ихъ въ самомъ народномъ сознаніи:" (стр. 19)

Мы уже видѣли, что недостатки эти, по мнѣнію автора, заключаются въ религіозномъ и политическомъ фатализмѣ русскаго народа, въ его привязанности къ патріархальному складу жизни и, наконецъ, въ его черезъ чуръ коммунистическихъ возрѣніяхъ на отношенія лица къ міру, общинѣ. „Недостатки" весьма существенные и, какъ всякому извѣстно, весьма глубоко засѣвшіе „въ нѣдра народнаго духа." Вотъ съ ними-то авторъ и предлагаетъ молодежи вступить въ борьбу. Дѣло не шуточное. Тутъ придется столкнуться съ основными формами народнаго міросозерцанія — формами, обусловливаемыми тою ступенью умственнаго развитія, на которой стоитъ народъ: съ привычками, чувствами и инстинктами, вырабатывавшимися вѣками, передаваемыми отъ отца къ сыну въ нѣломъ ряду поколѣній, неосанными съ молокомъ матери. Для того, чтобы заставить народъ отказаться отъ свойственныхъ его уму формъ мышленія, чтобы измѣнить застарѣлыя привычки, — чтобы искоренить тѣ его чувства и инстинкты, которые влекутъ его къ патріархальному образу жизни, которые порабощаютъ лицо міру, — для этого, вѣдь, нужно его перевоспитать, вложить въ его голову другіе мозги. Но развѣ подобная задача можетъ входить въ программу революціонной дѣятельности? Развѣ дѣло революціонера воспитывать народъ? Мало того, если бы даже наши революціонеры считались не десятками и сотнями, а тысячами и милліонами, развѣ бы они могли осуществить ее? Чтобы

перевоспитать народъ, для этого потребуется работа многихъ поколѣній, многихъ десятковъ лѣтъ. Неужели можно не понимать такихъ простыхъ вещей?

Но, быть можетъ, вы согласны ждать — ждать десятокъ лѣтъ, ждать пятьсотъ? Но, въ такомъ случаѣ, почему же вы не одобряете того пути, который предлагаютъ „вреднѣйшіе" пропагандисты? Почему вы находите ихъ путь утопическимъ, а свой практическимъ, почему одинъ вы называете «подготовительнымъ,» а другой—«бунтовскимъ.»? Передѣлать народные идеалы, вести въ народъ сознаніе его силы, связать въ одно цѣлое разрозненныя села, волости и области, — неужели вы полагаете, что это можно сдѣлать скорѣе и легче, чѣмъ развить его — говоря словами редактора *Вперед* — до пониманія имъ своихъ нуждъ и потребностей, средствъ, задачъ и условій сознательной революціи»?

Но каково же положеніе молодежи? Чему она должна вѣрить? Вѣрить ли сей тому, что путь постепеннаго, медленнаго подготовленія народа къ революціи есть пропаганда, ставящей своею цѣлью расширеніе и очищеніе народныхъ идеаловъ, — что это путь утопическій, что, идя по немъ, никогда никуда не придешь, или же она должна вѣрить, что только отъ него слѣдуетъ ждать спасенія? (стр. 19)

И добро бы эти другъ друга уничтожающія положенія защищались людьми различныхъ направленій — а то, нѣтъ, ихъ высказываетъ одинъ и тотъ же человѣкъ въ одной и той же книгѣ, на одной и той же страницѣ..

Однако, мы не должны этому удивляться. Теорія, противорѣчивая въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ, неизбѣжно должна привести къ противорѣчивымъ практическимъ выводамъ. Теорія, какъ мы сказали выше, постоянно виляетъ между Сциллою и Харибдою — между метафизическимъ идеализмомъ и грубымъ житейскимъ реализмомъ. Соблазнительная для старшевъ, конечно, сирена-метафизика шепчетъ ему въ уши, что въ народѣ живетъ какой-то

вѣчный идеалъ, „который способенъ осмыслить народную революцію, дать ей опредѣленную цѣль...“ (стр. 7). — она увѣряетъ его, что этотъ идеалъ есть идеалъ анархіи, идеалъ полнаго и абсолютнаго господства фихтевскаго „я,“ освободившагося отъ всякаго внѣшняго принужденія, сбросившаго съ себя узы всякой власти и, кромѣ своего личнаго интереса, ничего не знающаго и не признающаго. Повѣривъ на слово вѣроломной сиренѣ, очарованный ея фантастическими бреднями, авторъ зоветъ молодежь идти въ ряды идеализированнаго народа и немедленно поднимать его на бунтъ, „стать на бунтовской путь.“ Но тутъ является на сцену грубый реализмъ и безцеремонно сметаетъ карточные домики метафизики. не вѣрь, говоритъ онъ, — это старая, беззубая баба, красами которой ты соблазнился — все тебѣ наврала Если и есть въ народѣ такая штука, которую тебѣ угодно называть „идеаломъ,“ то «этотъ идеалъ страдаетъ столь существенными недостатками,» что, во имя его, начатое народное движеніе никогда не оканчивалось и теперь не можетъ окончиться успѣшно (см. стр 19). Ты жестоко также ошибаешься, воображая, со словъ выжившей изъ ума бабы, будто народъ нашъ чувствуетъ расположеніе къ *анархіи*, какъ ты ее себѣ представляешь. Напротивъ, его общественное міросозерцаніе, выработанныя имъ формы общественной жизни, его личныя и семейныя отношенія,—все идетъ въ разрѣзъ съ твоею анархіею. „Община — его міръ. Она ничто иное, какъ естественное расширеніе его семьи, его рода. Поэтому въ ней преобладаетъ то же патріархальное начало, тотъ же гнусный деспотизмъ и то же подлое послушаніе, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицаніе всякаго личнаго права, какъ и въ самой семьѣ“ (стр. 15).

Въ виду этихъ, весьма мало утѣшительныхъ для анархіи указаній опыта, авторъ пускается въ разъясненія словъ „бунтовской путь.“

Оказывается, что „стать на бунтовской путь,“ совсѣмъ не значитъ идти въ народъ, да и начать его сейчасъ же бунтовать Нѣтъ, это значитъ—исправлять недостатки народнаго идеала, т. е. перевоспитать народъ въ духѣ анархическаго символа и затѣмъ „сплотить въ одинъ крѣпкій союзъ разрозненныя села, волости и даже области,“ союзъ, дѣйствующій „по одному общему плану и съ единою цѣлью,“ т. е. подчиняющійся одному общему, верховному руководству, **одной общей, верховной власти**

Но, однако, позвольте, какъ же это такъ? Съ одной стороны, вы совѣтуете молодежи убѣждать народъ во вредѣ всякаго господства, всякаго авторитета, всякой власти, развить въ немъ сознаніе „личнаго права,“ съ другой, вы рекомендуете ему сплотить разрозненный крестьянскій міръ въ одно цѣлое, подчиняющееся единому общему руководству, преслѣдующее единую общую цѣль. О, праведное небо, за какого же прирожденнаго болвана считаете вы нашъ бѣдный русскій народъ, тотъ самый народъ, предъ которымъ вы только что преклоняли ваши колѣни, которому вы воскуряли фиміамы, котораго вы называли вашимъ богомъ! Неужели вы воображаете, что въ его головѣ такъ мало здраваго смысла, что онъ не въ состояніи будетъ понять вашихъ противорѣчій? Неужели вы думаете, что вы можете заставить его повѣрить, *будто всякая власть портитъ всякое дѣло*, и въ то же время привести его къ сознанію необходимости подчиниться, для успѣха революціоннаго движенія, какому-то общему, единому руководству, **какой-то власти?**

Или вы уже черезъ чуръ просты, или ваше идолопоклонство передъ народомъ—чистѣйшее лицемѣріе, грубый и **недобросовѣстный обманъ.**

Всякая организація, предполагающая какое-то общее руководство, какой-то центръ, изъ котораго исходятъ распоряженія и наблюденія за ихъ исполненіемъ, который связываетъ разрозненныя части въ одно цѣлое, всякая такая ор-

ганизація построена ли она на началахъ федеративныхъ или централистическихъ, т. е. сидятъ ли въ ея центрѣ нѣсколько полновластныхъ диктаторовъ или только депутаты, представители мѣстныхъ группъ, ограниченные своими mandat's, всякая такая организація, по существу своему, есть организація авторитарная, а, слѣдовательно, анти-анархическая. Какъ же это вы хотите совмѣстить ее съ проповѣдью анархіи? Но, можетъ быть, вы имѣете въ виду какую нибудь другую организацію? Можетъ быть, вы мечтаете объ организаціи безъ общаго центра, безъ общаго руководства, организаціи, допускающей отдѣльное, самостоятельное, независимое существованіе каждой изъ составляющихъ ея единицъ? Но, въ такомъ случаѣ, это будетъ не *организація*, а лишь *агломерація*, т. е. именно то, что существуетъ и теперь въ мірѣ крестьянства и что вы хотите измѣнить посредствомъ организаціи.

Неужели и здѣсь для васъ не очевидны ваши самопротиворѣчія? И не удивительно ли, какъ это могутъ уживаться въ одной головѣ столько идей, другъ друга уничтожающихъ? Какъ можетъ одинъ человѣкъ надѣлать столько логическихъ ошибокъ, впасть въ такую массу противорѣчій?

Нѣтъ, для такихъ замѣчательныхъ подвиговъ въ области „анархіи мысли" силъ одного человѣка было бы слишкомъ недостаточно. Тутъ необходимо содѣйствіе многихъ „умовъ," тутъ нужна *коллективная* работа. И, дѣйствительно, указанныя здѣсь заблужденія, ошибки и противорѣчія, не составляютъ личной, неотъемлемой собственности автора „Государственности и Анархіи." Это общее достояніе цѣлой группы людей, цѣлой партіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть другое произведеніе того же направленія, излагающее подобно первому, анархическое profession de foi, и адрессованное къ „русскимъ революціонерамъ," отъ *Революціонной Общины Русскихъ Анархистовъ*

III

Казалось, было бы очень трудно превзойти въ непослѣдовательности анархистовъ, называющихъ себя „соціально-революціонною партіею, но „русскіе анархисты революціонной общины" преодолѣли эту трудность и преодолѣли самымъ блистательнымъ образомъ. Начинаютъ они свою „правдивую исповѣдь" (ихъ собственное выраженіе) съ торжественныхъ заявленій, что „революціи дѣлаются народомъ," что „истинная революція только среди народа," что „нашe (т. е. анархистовъ) мѣсто только среди него, какъ у насъ, такъ и у тебя (т. е. русскаго революціонера) нѣтъ и не можетъ быть имени, не можетъ быть никакихъ честолюбивыхъ надеждъ." „Оставимъ, восклицаютъ они, славу, громкое имя, тщеславіе, честолюбіе *врагамъ народнымъ, вождямъ и* [illegible]" (стр. 4, 5). „Всякое вліяніе, кромѣ изъ самаго народа исходящаго и въ народѣ пребывающаго, можетъ только направить массы по ложному пути, обмануть и развратить ихъ." „Всякій изъ насъ долженъ понять, что въ дѣлѣ революціи самый знающій и самый умный человѣкъ, даже геній, можетъ дать массамъ лишь то, что онѣ заключаютъ въ себѣ..." „Только та революція восторжествуетъ, гдѣ учителей не будетъ!" (стр. 12, 13, 14)

Какъ бы долженъ былъ поступить человѣкъ, дѣйствительно убѣжденный въ непреложной истинѣ вышеприведенныхъ афоризмовъ?

Очевидно, онъ долженъ бы былъ смиренно склонивъ голову, стать въ ряды народа и сказать ему: „батюшка-народъ, прими меня въ твою среду: учить мнѣ тебя нечему, потому что все, что я знаю, „уже заключается въ тебѣ самомъ," вліять на тебя я тоже не желаю, потому что всякое вліяніе „не изъ народа исходящее и не въ народѣ пре

бывающее," можетъ только развратить тебя и обмануть. дѣлай революцію самъ, какъ знаешь и какъ умѣешь, помощниковъ и учителей тебѣ никакихъ не надо, и все, что ты сдѣлаешь и скажешь, такъ тому и быть должно; я же вполнѣ и безусловно отдаюсь въ твое распоряженіе, отказываюсь отъ „своего имени" и отъ „тщеславныхъ надеждъ."

Да, такъ бы поступилъ человѣкъ послѣдовательный.

А чтобы сдѣлалъ человѣкъ непослѣдовательный? Да какъ разъ обратное. Вскорабкавшись на ходули и гордо поднявъ голову, онъ диктаторскимъ тономъ возвѣстилъ бы народу: „Народъ! слушай! я такой-то, отечество мое — всемірная революція: до сихъ поръ, правда, у меня его еще нѣтъ, но ты долженъ мнѣ его дать, ты долженъ сдѣлать всемірную революцію. Я желаю и требую, чтобы эта всемірная революція уничтожила то-то и то-то, чтобы на мѣсто уничтоженнаго она установила такія-то и такія-то учрежденія Если же ты, хамово отродье, осмѣлишься меня не послушать и не послѣдуешь моимъ указаніямъ, то ты у меня тогда смотри! Я буду слѣдить за тобою зорко и мое орудіе противъ тебя „будетъ самое энергичное" Запомни при этомъ, что пока ты не можешь устроить „всемірной революціи," ты долженъ сидѣть смирно и чтобы не пикнуть.*)

Вотъ такъ именно и поступила „революціонная община русскихъ анархистовъ." Забывъ все, что она только-что говорила о безполезности учить народъ, о вредности всякихъ посторонніхъ, не непосредственно изъ народа исходящихъ вліяній, о необходимости предоставить революціонное дѣло самому народу, и т. д., и т. д.,—она, торжественно возсѣвъ на свой треножникъ, съ самодовольнымъ пафосомъ

*) „Русскіе революціонеры должны дать народному движенію мировой характеръ, внѣ котораго ни одно національное или мѣстное движеніе не можетъ имѣть успѣха и необходимо погибнетъ.

декретируетъ: „Мы, божіею милостію, — община анархистовъ, — считаемъ необходимымъ:

1. „Разрушеніе всѣхъ религіозныхъ, политическихъ юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ (а будто всѣ вышеперечисленныя не соціальныя?) учрежденій..."

2. „Созданіе самостоятельной и совершенно свободной организаціи освобожденныхъ массъ."

„Съ точки зрѣнія отрицательной или разрушающей, мы хотимъ: уничтоженія, банкротства (!?), полной ликвидаціи государства, уничтоженія всякаго вмѣшательства въ платежъ долговъ коллективныхъ или частныхъ, въ передачу наслѣдствъ; уничтоженія всѣхъ налоговъ, уничтоженія всей высшей и низшей государственной администраціи, уничтоженія сословій, бюрократіи, арміи, магистратуры (?), полиціи, университетовъ, духовенства, уничтоженія монополій, привилегій, личной собственности..."

„Съ точки зрѣнія положительной... мы считаемъ необходимой организацію *революціонныхъ группъ* въ *революціонныя общины*, каждая община должна послать своихъ выборныхъ съ строго опредѣленными порученіями въ *очаги* (?) революціи, затѣмъ, какъ эти общины, такъ и эти очаги, должны составить изъ себя федераціи, должны постоянно поддерживать баррикады. . . . . на всѣхъ точкахъ возставшихъ странъ.." (?) „Дѣлами федераціи должны заправлять выборные, которые съ этой цѣлью распѣляются на *совершенно независимыя* группы, взаимно дополняющія и помогающія другъ другу, напр. группы, завѣдующія продовольствіемъ, революціонной защитой, организаціею труда, предварительнымъ задержаніемъ капиталовъ, временной отдачи капиталовъ и инструментовъ работы въ руки сельскихъ и промышленныхъ товариществъ, путями сообщенія, мѣной (?) просвѣщеніемъ и т. д." (см. стр. 4—8).

„Вотъ чего мы, божіею милостію, революціонная община

русскихъ анархистовъ въ Женевѣ, и проч., и проч.—желаемъ и требуемъ. Мы требуемъ также, чтобы у народа не было никакихъ учителей (кромѣ насъ, конечно) и чтобы онъ не поддавался никакому (кромѣ нашего) ,не изъ него исходящему вліянію."

Все это прекрасно. Но достовѣрно ли тебѣ извѣстно, — община ан-архистовъ, — что твои требованія и желанія совпадаютъ съ требованіями и желаніями народа? Неужели ты, которая, повидимому, такъ уважаешь народный разумъ, **неужели ты хоть единую секунду можешь думать, что народъ**, если бы онъ когда нибудь могъ узнать о твоихъ требованіяхъ и желаніяхъ, не расхохотался бы надъ ними и надъ тобою гомерическимъ смѣхомъ? Не нужно имѣть ни особой проницательности, ни обширныхъ знаній и глубокаго ума, **для того, чтобы совершенно ясно видѣть и понимать, что ты сама не знаешь, чего хочешь. Ты хочешь**, чтобы никакой власти не было, и въ то же время ты проэктируешь федеративное государство съ выборными отъ общинъ съ *куріею* всевозможныхъ и даже невозможныхъ министерствъ? Ты хочешь, чтобы эти министерства взаимно **дополняли другъ друга, и въ то же время, чтобы они были** совершенно независимы другъ отъ друга. Ты хочешь уничтожить личную собственность, и въ тоже время требуешь, чтобы ,въ передачу наслѣдствъ никто не вмѣшивался,' **т. е., чтобы частное лицо могло оставлять послѣ себя наслѣдство**, кому оно вздумаетъ. Ты хочешь уничтоженія всѣхъ налоговъ, и создаешь министерство народнаго продовольствія, путей сообщенія, просвѣщенія и т. п. Чѣмъ же эти министерства будутъ завѣдывать и чѣмъ они будутъ **управлять, если общины не должны ничего давать ни на** народное продовольствіе, ни на просвѣщеніе, ни на содержаніе путей сообщенія? Ты хочешь уничтожить государство, **и хочешь въ то же время его банкротства. Какъ** будто уничтоженное государство можетъ обанкрутиться? Ты хочешь уничтоженія ,всѣхъ существующихъ экономическихъ

и соціальныхъ учрежденій,' и въ то же время оставляешь самое основное и самое существенное изъ всѣхъ учрежденій—мѣну. Ты хочешь, но возможно ли перечислить всѣ твои противорѣчивыя желанія, всѣ твои непослѣдовательности, всѣ твои ребячески-наивныя выходки? Намъ бы пришлось тогда растянуть нашу статью на цѣлый томъ. Однако, мы не можемъ разстаться съ этимъ курьезнымъ продуктомъ нашей революціонной мысли, не упомянувъ еще объ одномъ, безъ сомнѣнія, самомъ комическомъ требованіи **русскихъ анархистовъ.**

Всякому, конечно, извѣстно, что существуютъ такіе наивные люди, которые серьезно убѣждены, что соціальная революція можетъ быть осуществлена посредствомъ *бумажныхъ декретовъ*, которые вѣрятъ, что если сегодня будетъ изданъ декретъ, упраздняющій государство, церковь и семью, то на завтра ни отъ государства, ни отъ церкви, ни **отъ семьи и слѣда никакого не останется. Анархисты** относятся къ этимъ *бумажнымъ* революціонерамъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Судя по этому презрѣнію, можно было бы думать, что сами они не имѣютъ съ ними ничего общаго, что сами они хотятъ не бумажной, а настоящей революціи. И что же, однако, оказывается? Оказывается **что они-то именно и хотятъ сдѣлать революцію единственно** посредствомъ *бумажекъ*, ближайшимъ средствомъ для этого (т. е. всеобщаго разрушенія) мы — божьею милостью община анархистовъ — считаемъ истребленіе всѣхъ свидѣтельствъ рецты, **собственности, ипотекъ, денежныхъ знаковъ**, концессій, брачныхъ и другихъ свидѣтельствъ, паспортовъ, метрикъ и всякихъ гербовыхъ бумагъ (стр. 6).

Чѣмъ же они отличаются отъ бумажныхъ революціонеровъ? Только тѣмъ, что послѣдніе хотятъ все уничтожить, прибавя къ числу обращающихся въ обществѣ гербовыхъ **бумагъ еще нѣсколько, а анархисты хотятъ все уничтожить, спаливъ огнемъ всю гербовую бумагу. Но не та же ли это глупость, только подъ другимъ соусомъ?...**

О, бѣдная, русская, революціонная мысль, въ какія непроходимыя дебри самопротиворѣчій, нелѣпостей и безсмыслицъ ты забрела! Очнись, одумайся, стряхни съ себя всю эту напускную глупость, выбирайся скорѣй изъ грязнаго и тинистаго болота *анархіи* на твердую почву, а то, пожалуй, ты увязнешь въ немъ по уши!

Впрочемъ, мы коснулись еще только самыхъ невинныхъ и безопасныхъ областей этого болота. Произрастающія здѣсь глупости и безсмыслицы отличаются вообще крайнею наивностью и добродушіемъ. Видно, что онѣ вылились, такъ сказать, прямо отъ сердца, и что люди, ихъ проповѣдующіе, искренне вѣруютъ въ ихъ непреложную истинность... Потому онѣ не возбуждаютъ въ васъ никакого другого чувства, кромѣ развѣ сожалѣнія. Вы созерцаете ихъ, какъ курьезъ, и невольно говорите про себя: „прости имъ, всемилосердый и всепрощающій здравый человѣческій смыслъ, прости имъ, не вѣдаютъ, что говорятъ!"

Но теперь намъ предстоитъ углубиться въ такія области анархіи мысли, гдѣ глупость и безсмысліе теряютъ свой наивно-добродушный характеръ, гдѣ онѣ превращаются въ предумышленную софистику, въ обдуманное шарлатанство. Это — области самыя опасныя, кто разъ ступилъ на нихъ ногой, тому уже трудно выкарабкаться; а между тѣмъ, они такъ искусно замаскированы зеленью, что издали имѣютъ даже привлекательный видъ. Кажется, передъ глазами вашими разстилается свѣжій, пахучій, зеленый лугъ. Но подойдите ближе, и васъ охватятъ со всѣхъ сторонъ болотные міазмы, и вы увидите, что прельщавшая васъ зелень — болотная зелень.

IV

Въ предыдущихъ статьяхъ мы разобрали profession de foi двухъ фракцій заграничныхъ анархистовъ. Мы видѣли,

что совѣты и поученія, преподаваемые ими русской революціонной молодежи, не отличаются ни опредѣленностью, ни послѣдовательностью. Однако, эта неопредѣленность и непослѣдовательность можетъ показаться верхомъ опредѣленности и послѣдовательности, сравнительно съ profession de foi третьей заграничной фракціи, органомъ которой является журналъ „Впередъ." Относительно двухъ первыхъ мы можемъ, по крайней мѣрѣ, составить себѣ хоть какое нибудь болѣе или менѣе отчетливое представленіе; мы можемъ хотя отчасти воспроизвести нѣкоторыя характеристическія черты ихъ физіономіи; мы можемъ хотя приблизительно опредѣлить, чего они хотятъ. Они хотятъ *анархіи*. Правда, они не понимаютъ, что такое анархія, но все таки у нихъ есть хоть *слово*, за которое они держатся, которое ихъ объединяетъ, которое красуется на ихъ знамени, которое имъ дорого. У представителей третьей фракціи и этого даже нѣтъ. У нихъ каждое слово—двусмыслица, каждое положеніе — загадка; они въ одно и то же время и утверждаютъ и отрицаютъ, и подстрекаютъ, и обезкураживаютъ; всѣ ихъ понятія представляютъ какой-то эклектическій хаосъ, вся ихъ программа сводится къ трескучей фразеологіи, лишенной всякаго опредѣленнаго смысла. Чего они хотятъ, за что они стоятъ, что они предлагаютъ, какое мѣсто они занимаютъ въ нашей революціонной партіи, чѣмъ они отличаются отъ однихъ, въ чемъ сходятся съ другими—ничего нельзя понять. Всѣ, сколько нибудь опредѣлившіеся революціонные кружки, сторонятся отъ нихъ. Относительно ихъ революціоннаго катехизиса существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія; въ одномъ только всѣ согласны, что этотъ катехизисъ сотканъ изъ противорѣчій. И, дѣйствительно, кто хочетъ опровергать ихъ, тому нѣтъ надобности искать аргументовъ гдѣ нибудь внѣ сферы ихъ собственныхъ мыслей. Достаточно только сопоставить ихъ мнѣнія, для того, чтобы уничтожить ихъ. Это можетъ показаться до того невѣроятнымъ, что люди, незнакомые съ

продуктами мысли этихъ господъ, упрекнутъ насъ пожалуй, въ злонамѣренной утрировкѣ. Но въ сущности мы ничего не утрируемъ, и читатель самъ сейчасъ убѣдится въ этомъ.

Profession de foi этой фракціи, во первыхъ, выражено въ обращеніи ея къ русской соціально-революціонной молодежи; во вторыхъ, въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ „Впередъ," принадлежащихъ автору упомянутаго *обращенія*, и трактующихъ о тѣхъ же вопросахъ, о которыхъ трактуется и въ ней. Потому хотя брошюра „Къ русской соціально-революціонной молодежи" и составляетъ главный предметъ настоящей статьи, но намъ придется все таки **ссылаться и на передовики „Впередъ."**

Брошюра имѣетъ чисто полемическій характеръ: она вызвана другою брошюрою, направленною противъ редактора „Впередъ." Въ обѣихъ брошюрахъ личный элементъ, личныя пререканія, играютъ важную роль. Разумѣется, мы ихъ не будемъ здѣсь касаться: все личное мы тщательно устранимъ изъ нашего анализа. Очистивъ положенія брошюры отъ полемической соли и дополнивъ ихъ положеніями „передовиковъ," мы постараемся сгруппировать ихъ **въ одно связное цѣлое, и когда это цѣлое явится во всей** его калейдоскопической прелести, тогда... тогда пусть читатель самъ судитъ: наше дѣло будетъ кончено. Есть такіе продукты анархіи мысли, которые достаточно констатировать, **чтобы избавиться отъ труда разбирать ихъ.**

Первый тезисъ революціоннаго символа, обращеннаго къ русской молодежи, гласитъ: „Мы зовемъ *къ себѣ*, зовемъ *съ собою всякаго*, кто съ нами сознаетъ, что императорское правительство—врагъ народа русскаго, что настоящій общественный строй—гибель для Россіи" (см. „Русской соц. революц. молодежи, стр. 6). На стр. 10 и 11 той же брошюры, изъ числа этихъ званыхъ исключаются всѣ тѣ соціальные революціонеры, которые предполагаютъ осуществить соціальную революцію посредствомъ захвата полити-

ческой власти въ свои руки, или посредствомъ революціонной диктатуры, равно какъ и тѣ соціальные революціонеры, которые, хотя и отрицаютъ революціонную диктатуру и стоятъ вообще за чисто народную революцію, но допускаютъ въ своей практической дѣятельности принципъ: **цѣль оправдываетъ средства.**

Какъ видите, званыхъ много, но избранныхъ мало.

Второй тезисъ: революція, произведенная меньшинствомъ, не желающимъ ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, цѣли и средства революціи, не есть революція соціальная, народная. „Революція, дѣйствительно произведенная въ пользу народа, можетъ быть произведена только народомъ, не меньшинствомъ, а большинствомъ" **(стр. 27).**

Въ № № 21 и 26 „Впередъ" (1875 и 1876 гг.) авторъ опровергаетъ этотъ тезисъ слѣдующимъ положеніемъ: „Въ цѣлой исторіи не происходило ни одного вполнѣ сознательнаго движенія. Полное сознаніе цѣлей и средствъ существовало въ небольшихъ группахъ и отдѣльныхъ единицахъ.

Около нихъ стояло множество лицъ и группъ, въ которыхъ **ясность сознанія постепенно ослабѣвала... За слоями** вполнѣ-сознательныхъ, полу-сознательныхъ и горячо-сочувствующихъ революціонеровъ, исторія подготовила страждущихъ отъ стараго порядка, способныхъ его ненавидѣть.

Такъ какъ авторъ противополагаетъ это большинство революціонерамъ сознательнымъ, полу-сознательнымъ и просто сочувствующимъ, то мы вправѣ предполагать, что оно, по мнѣнію автора, не только лишено всякаго сознанія, но даже **и сочувствовать идеямъ соціальной революціи не можетъ**, не имѣя ни малѣйшаго представленія о ея цѣляхъ и **средствахъ.**

„Когда, продолжаетъ онъ, сознательные, полу-сознательные и сочувствующіе слои, т. е. революціонное меньшинство, объединятся крѣпкою организаціею, то въ минуту взры-

ва къ нимъ неизбѣжно пристанетъ масса страдающая, т е большинство" Изъ этихъ словъ ясно, что взрывъ, т. е. революція, совершается не большинствомъ, а меньшинствомъ, и первое только „присоединяется" къ послѣднему. Затѣмъ, дальнѣйшія судьбы революціи будутъ зависѣть, по словамъ автора, отъ того, какое знамя выставитъ это меньшинство. Слѣдовательно, революція, произведенная меньшинствомъ, можетъ быть и *социальною* и *народною*, если только тѣ сознательныя группы, къ которымъ присоединяется безсознательное большинство, будутъ преслѣдовать социальные идеалы, будутъ стоять за народные интересы.

Третій тезисъ: „Нельзя звать народъ къ возстанію, пока народъ не готовъ" (стр. 21). Готовность же народа къ революціи опредѣляется степенью его пониманія „общественнаго зла" (стр. 32, 33, 34 и др.). Слѣдовательно, народъ лишь тогда будетъ готовъ къ революціи, когда ему „уяснятся его потребности," когда онъ „поймете суть общественнаго зла" и усвоитъ „революціонныя истины въ ихъ практическомъ примѣненіи."

Авторъ передовыхъ статей „Впередъ" (№ 21), въ противность этому утверждаетъ, что надежда довести народъ когда нибудь „до яснаго сознанія" (сознанія общественнаго зла, своихъ потребностей, цѣлей, средствъ революціи и проч.) есть надежда утопическая. Слѣдовательно, народъ, взятый въ его цѣломъ, никогда къ революціи готовымъ быть не можетъ.

Развивая далѣе эту мысль, авторъ говоритъ, что для успѣха социальной революціи достаточно и того, если будетъ *готово*, т е. *пропагандировано*, въ смыслѣ пониманія задачъ соціальной революціи, ея необходимости и т. п., одно меньшинство, меньшинство, состоящее изъ „вполнѣ сознательныхъ, полу - сознательныхъ и сочувствующихъ" революціонеровъ. И такъ, меньшинство не должно ждать, пока народъ будетъ готовъ.. т. е. сознаетъ, „гдѣ его права, сознаетъ свои права, свои обязанности и свои силы."

А между тѣмъ, революціонеры, которые не хотятъ ждать, должны быть, по словамъ того же автора, „уподоблены шпіонамъ-провокаторамъ, бѣлымъ блузамъ Наполеона, реакціонерамъ бывшей Версальской палаты" и т. п.

Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ говорится: „Весьма ограниченно пониманіе того идеалиста, который воображаетъ, будто можно ждать, пока *большинство* участвующихъ въ этомъ (т. е. революціонномъ) движеніи, будетъ ясно понимать его задачу" (Впередъ № 26).

Четвертый тезисъ: „Пропаганда пониманія общественнаго зла." есть, по своей сущности, агитація „противъ этого зла"; слѣдовательно: „логически пропаганда заключаетъ агитацію: пропаганда и агитація суть не только не *разносильныя*, не *разнодѣльныя*, но даже не *различныя* средства (стр. 32, 33, 35), т. е. пропаганда и агитація—одно и тоже орудіе подготовленія народа къ революціи Нѣтъ пропаганды безъ агитаціи, нѣтъ агитаціи безъ пропаганды.

Въ одной же изъ передовыхъ статей „Впередъ" (№ 26), авторъ слѣдующимъ образомъ опровергаетъ это отожествленіе пропаганды съ агитаціею:

„Уясненный жизненный фактъ — сказано въ брошюрѣ (стр. 35)—есть тѣмъ самымъ страстное побужденіе къ дѣйствію... а общественныя истины такъ тѣсно связаны съ самыми жгучими вопросами жизни, что всякій, кто ихъ ясно понимаетъ, тотъ и волнуется ими... для того онѣ и служатъ возбужденіемъ къ дѣятельности" (стр. 33). „Не правда, читаемъ мы во „Впередѣ," „лишь меньшинство людей руководится въ дѣятельности.. яснымъ пониманіемъ... огромное большинство людей дѣйствуетъ лишь подъ вліяніемъ аффекта и увлеченія. Мало того, и изъ понимающихъ общественныя задачи, лишь тѣ могутъ быть полезными дѣятелями, у которыхъ это пониманіе перешло въ убѣжденіе, т е соединило свои теоретическіе элементы съ практическою потребностью дѣйствовать"... (№ 26). значитъ одного *пониманія*, даже и самаго яснаго, еще недостаточно для возбужде-

нія человѣка къ дѣятельности, сообразно этому пониманію. Отсюда авторъ весьма логично заключаетъ, въ противоположность тому, что онъ говорилъ въ своей брошюрѣ, что „при всемъ важномъ значеній *пропаганды*, одно это орудіе *далеко не достаточно*... (№ 26), и къ этому первому орудію подготовленія соціальнаго переворота должно быть присоединено второе орудіе этого подготовленія,—соціально-революціонноя агитація.“ Слѣдовательно, пропаганда и агитація это не одно и тоже орудіе: это два *различныя* средства подготовленія революціи.

„Пропаганда, говорится далѣе въ той же статьѣ, какъ простое поясненіе и пониманіе „истинъ рабочаго соціализма,“ даетъ возможность развиться въ иныхъ личностяхъ тому отвлеченному филистерству мысли, которое отвращаетъ отъ жизни, отвлекаетъ отъ практической дѣятельности, чтобы предаться *наслажденію пониманія*...“

Для противодѣйствія этимъ вреднымъ послѣдствіямъ пропаганды, необходима агитація. Отсюда, пропаганда и агитація средства не только *различныя*, но даже *противоположныя*. Одно отвращаетъ отъ практической дѣятельности, другое возбуждаетъ къ ней; одно благопріятствуетъ развитію филистерской мысли, другое парализируетъ ее.

Но въ такомъ случаѣ, что такое агатація? „Для революціонера-соціалиста, говоритъ редакторъ „Впередъ“ въ своей брошюрѣ, агитація есть уясненіе явленія“ (стр. 55). Нѣтъ, одно уясненіе явленій еще не есть агитація, увѣряетъ тотъ же редакторъ въ передовыхъ статьяхъ своего журнала. Для агитаціи нужно еще что-то: возбужденіе чувства, аффекта; но для возбужденія чувства и аффекта еще не достаточно „ясчаго пониманія,“ напротивъ, „ясное пониманіе“ приводитъ нерѣдко къ филистерству, отвращаетъ отъ дѣятельности.

Какъ же быть, что же дѣлать!... „Отгадай, моя родная!...

Пятый тезисъ: „Надлежащее подготовленіе революціи есть неизбѣжно революціонная агитація, дѣйствующая въ

народѣ *пропагандою* и агитаціею,“ но „агитація можетъ быть ведена только, какъ пропаганда революціонныхъ истинъ,“ какъ уясненіе причинъ и сути „общественнаго зла,“ (стр. 33, 35). Слѣдовательно, по мнѣнію редактора „Впередъ,“ выраженному въ брошюрѣ, главнымъ и конечнымъ орудіемъ подготовленія народа къ революціи должна быть *пропаганда*.

По мнѣнію того же редактора, высказанному въ передовой статьѣ № 2 „Впередъ,“ *пропаганда* необходима лишь „для тѣхъ, которые ужъ затронуты проповѣдью соціализма,“ для группъ „сознательныхъ и полу-сознательныхъ“ революціонеровъ; для группъ же сочувствующихъ и для массы „ненавидящихъ,“ (т. е. для народа) нужна *агитація*. „Два упомянутыхъ выше элемента (вполнѣ и полусознательные революціонеры) организуются и разростаются путемъ пропаганды, путемъ уясненія пониманій задачъ рабочаго соціализма,“ два другіе элемента (сочувствующихъ и ненавидящихъ) „организуются, разростаются путемъ возбужденія и распространенія ненависти къ существующему порядку, путемъ соціально-революціонной агитаціи (Впередъ № 26).

Кажется, это довольно ясно? Массы, т. е. большинство нужно агитировать, т. е. возбуждать ихъ ненависть къ существующему порядку; меньшинство же нужно пропагандировать, то есть „уяснять пониманіе задачъ рабочаго соціализа.“

Однако, въ слѣдующемъ, № 27, „Впередъ,“ тотъ же редакторъ утверждаетъ, что одной агитаціи недостаточно (для народа), что нужна пропаганда, что интелигентные слои русскаго общества должны помочь народу „усвоить результаты міровой мысли,“ которые одни только могутъ предохранить его отъ опасностей, неизбѣжно грозящихъ ему во время и на другой день революціи.

Что же нужно наконецъ дѣлать? Когда авторъ стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, что и пропаганда и агитація одно

и тоже, тогда онъ могъ еще не отвѣчать категорически на этотъ вопросъ.

Онъ тогда смѣло говорилъ: „нужна пропаганда революціонныхъ истинъ," она одна можетъ подготовить народъ къ революціи. Но если вы, подобно автору брошюры «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи,» замѣтили бы ему, что одной пропаганды недостаточно, онъ отвѣчалъ бы вамъ, какъ отвѣтилъ упомянутому автору: „когда я говорю пропаганда, я подразумѣваю агитацію, такъ какъ ни пропаганда безъ агитаціи не мыслима, ни агитація безъ пропаганды." Но, теперь, когда онъ самъ установилъ различіе между пропагандою и агитаціею, онъ уже этого не можетъ сказать,—потому онъ уклоняется отъ прямого отвѣта. Большинство нужно агитировать, т. е. нужно только возбуждать его ненависть къ существующему порядку, говоритъ онъ въ № 26 „Впередъ"; нѣтъ, нужно пополнять недостатокъ его знаній, сообщить ему результаты «міровой мысли,» говоритъ онъ въ № 27. Затѣмъ, въ томъ же № говорится, что на молодежи интелигентныхъ классовъ лежитъ обязанность связать *готовые* элементы народной политической силы въ солидарное цѣлое... помощью пропаганды требованій рабочаго соціализма и помощью соціально-революціонной агитаціи." Повидимому отсюда можно было бы заключить, что авторъ рекомендуетъ молодежи дѣйствовать на народъ одновременно обоими орудіями — и пропагандою и агитаціею. Но нѣтъ, это заключеніе опять таки будетъ не вѣрно: авторъ говоритъ не о народѣ en masse, а только объ его уже *готовыхъ* элементахъ. Весь ли народъ представляетъ такой готовый элементъ или нѣтъ? Иными словами, ко всему ли народу приложимы оба эти средства, или только къ нѣкоторой его части? Если ко всему, то, въ такомъ случаѣ, очевидно, нужно ждать, пока «результаты міровой мысли» не сообщатся всему народу. Если только къ нѣкоторой его части, то является другой вопросъ, какъ велика должна быть эта часть?

Въ первомъ случаѣ, т. е. если необходимо ждать, пока результаты міровой мысли не сообщатся всему народу, мы, по словамъ самого автора (см. №№ 21 и 26), должны будемъ уподобиться „идеалисту съ ограниченнымъ пониманіемъ," вѣрующему въ возможность осуществленія „утопической надежды."

Во второмъ случаѣ, т. е. если достаточно, чтобы «результатами міровой мысли» прониклась нѣкоторая лишь часть народа, мы, опять таки, по словамъ самого автора, рискуемъ, вмѣсто дѣйствительной революціи, произвести такую, которая, въ концѣ концовъ, приведетъ „къ выработкѣ новаго раздѣленія классовъ, новаго эксплуататорства и, слѣдовательно, къ возсозданію *буржуазнаго* общества въ новой формѣ" (см. „Впередъ," № 27).

Какъ же намъ быть? Какъ же намъ выйдти изъ этого заколдованнаго круга?

Шестовъ твердитъ: Народную, соціальную революцію можетъ осуществить одинъ только народъ; задача же интелигентнаго меньшинства, желающаго освободить его, сводится лишь къ тому, чтобы увѣрить его въ этой возможности. „Онъ (т. е. народъ) истекаетъ кровью, но въ немъ божественная сила, витійствуетъ авторъ въ своей брошюрѣ (стр. 20), и могучіе витязи (т. е. интелигентное меньшинство), которые лѣзутъ на Голгоѳу спасать его, сами *микроскопическія мошки передъ нимъ*. У него одного есть возможность свалить крестъ, къ которому онъ пригвожденъ, свалить его *соціальною, народною* революціею. Все, что могутъ сдѣлать слабыя творенія, стоящія у подножія этого великаго креста, это шепнуть ему: ты богъ, ты властелинъ, вырви твой крестъ и раздави враговъ! Ты можешь, ты долженъ сдѣлать это!.. твоего историческаго креста мы вырвать не въ силахъ. Мученикъ (т. е. народъ) будетъ продолжать висѣть, пока не сознаетъ самъ, что онъ богъ, пока не сойдетъ съ креста самъ и не раздавитъ этихъ витязей-червей (т. е. интелигентное меньшинство) съ Пилатами,

Каіафами и всѣми другими фарисеями, пока не установитъ самъ своего царства, ему же не будетъ конца."

Во „Впередѣ" же, тотъ же авторъ высказываетъ совершенно другіе взгляды на отношенія „витязей-чернѣй" и „слабыхъ твореній" къ народу-богу.

Оказывается, что этотъ народъ-богъ безъ „слабыхъ твореній" не можетъ ровно ничего сдѣлать для своего спасенія.

Оказывается, что „слабыя творенія" должны взять на себя инициативу снятія его со креста, что и послѣ снятія они должны предохранять его, заботливою рукою, отъ опасностей, ожидающихъ его внизу, что они обязаны наполнить его божественную голову „результатами міровой мысли" и что, если они ничего этого не сдѣлаютъ, то народъ-богъ, хотя и можетъ, пожалуй, сойти со креста, но только для того, чтобы сейчасъ же повиснуть на другомъ.

„Народный взрывъ (т. е. народное возстаніе), происшедшій при недостаточномъ сознаніи опасностей, грозящихъ новому обществу, можетъ имѣть самыя гибельныя слѣдствія для общаго дѣла рабочаго соціализма"... онъ поведетъ къ *мистнымъ бунтамъ*, которые вредны, какъ не имѣющіе никакого шанса на побѣду и ведущіе, при ихъ подавленіи, лишь къ деморализаціи остальныхъ группъ"... и перераспредѣленіе имуществъ, вмѣсто ихъ общности, неизбѣжно поведетъ къ выработкѣ новаго раздѣленія классовъ, новаго эксплуататорства"... Потому на интелигенціи лежитъ:

1) Обязанность инициаторства въ организаціи соціально-революціонныхъ силъ русскаго общества для подготовленія и совершенія переворота.

2) „На ней лежитъ обязанность предотвратить опасности, грозящія русскому народу отъ недостаточной связи между его частями и отъ недостатка недоступнаго ему знанія."

Тутъ, однако, является вопросъ: „обязанность предотвратить опасности, грозящія русскому народу..." и т. п. будетъ ли лежать на интелигенціи и послѣ того, какъ переворотъ совершится, или же она лежитъ на ней лишь въ періодъ, предшествующій революціи, въ періодъ подготовительный?

Въ первомъ случаѣ, интелигенція, очевидно, должна стараться обезпечить за собою, послѣ переворота, нѣкоторую силу, т. е. власть, иначе, она поставитъ себя внѣ всякой возможности предотвратить какія бы то ни было опасности.

Во второмъ случаѣ, подготовительный періодъ долженъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда не будутъ окончательно устранены причины опасностей, т. е. не будетъ установлена достаточная связь между разрозненными частями народа и народъ не усвоитъ себѣ „недоступное ему знаніе"

Необходимо выбрать одно изъ двухъ: или интелигенція должна захватить послѣ революціи власть въ свои руки или она должна противодѣйствовать, затерживать революцію до той блаженной минуты, когда „народный взрывъ" не будетъ болѣе представлять опасностей, т. е. когда народъ усвоитъ результаты міровой мысли, пріобрѣтетъ недоступныя ему знанія.

Что же выбираетъ нашъ авторъ?

Ни то, ни другое. — „Исторія доказала (гдѣ и когда?) и психологія убѣждаетъ насъ (какая психологія? Психологій, какъ извѣстно, почти столько же, сколько и психологовъ), что власть портитъ самыхъ лучшихъ людей" „Всякая власть меньшинства есть эксплуатація..." (стр. 42 44) Послѣ революціи, меньшинство не должно облекаться никакою властью, послѣ революціи должно прямо наступить „самодержавіе народныхъ общинъ, народныхъ собраній, народныхъ круговъ" (?)

Слѣдовательно, судя по мнѣніямъ, высказаннымъ редакторомъ „Впередъ" въ обращеніи „Къ русской соціальной молодежи, нужно думать, что послѣ *революціи* причины опасностей, грозящихъ новому строю общества, будутъ устранены и „самодержавіе общинъ, собраній, круговъ," т. е. самодержавіе *большинства*, вступитъ въ свои права

Но если такъ, то мы должны задержать революцію до того момента, покуда эти причины дѣйствительно устранятся.

Однако, авторъ и этого не хочетъ; мало того, онъ говоритъ даже (какъ мы показали выше), что моментъ этотъ и наступить то никогда не можетъ.

Какъ же поступить въ этомъ случаѣ? И ждать не нужно, и ждать нужно.

Выше мы сказали, что беремъ на себя лишь трудъ (трудъ весьма легкій) констатировать противорѣчія автора брошюры редактора „Впередъ," не вдаваясь въ ихъ подробный разборъ и ихъ оцѣнку. Пусть этимъ займется самъ читатель, если ему есть охота. Однако, сводя вмѣстѣ эти, совершенно противорѣчивыя, воззрѣнія одного и того же человѣка по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, невольно стараешься хоть какъ нибудь объяснить ихъ себѣ. Всякое явленіе имѣетъ свою причину; слѣдовательно, и онѣ должны ее имѣть. Но гдѣ же искать этой причины?

Всѣ указанныя до сихъ поръ противорѣчія относятся къ уясненію задачъ и условій *практической дѣятельности* русской революціонной молодежи. Но пониманіе задачъ и условій практической дѣятельности у каждаго человѣка опредѣляется его основными теоретическими воззрѣніями, общимъ духомъ и направленіемъ его міросозерцанія. Значитъ, въ этихъ основныхъ воззрѣніяхъ, въ этомъ общемъ духѣ и направленіи авторскаго міросозерцанія мы и должны искать ключа, разгадки къ объясненію тѣхъ двусмысленныхъ совѣтовъ, которые онъ преподаетъ нашей революціонной молодежи, совѣтовъ, сводящихся, въ большинствѣ случаевъ, къ соблазнительной формулѣ: „хотя съ одной стороны нельзя не согласиться... но, съ другой... должно сознаться..."

Разумѣется, намъ нѣтъ надобности разбирать его міросозерцаніе во всѣхъ деталяхъ и по всѣмъ вопросамъ. Рѣчь здѣсь идетъ лишь о его *практическихъ* взглядахъ на возможность и необходимость революціи въ Россіи. Значитъ, намъ нужно знать только, какъ онъ *теоретически* относится къ

вопросу о революціи вообще Чѣмъ, по его мнѣнію, опредѣляется ея необходимость и въ чемъ заключается ея возможность?

Авторъ весьма ясно высказывается на этотъ счетъ въ своей брошюрѣ „къ русской соціально-революціонной молодежи."

Его упрекали въ томъ, что онъ смѣшиваетъ и отождествляетъ понятіе историческаго прогресса съ понятіемъ революціи. Онъ охотно принимаетъ этотъ упрекъ. „Да, говоритъ онъ, революція есть не что иное, какъ одно изъ проявленій, одинъ изъ элементовъ историческаго прогресса; между послѣднимъ и первою нѣтъ и не можетъ быть никакого противорѣчія" (стр. 26) А что же такое *исторически прогрессъ?*

Это, какъ извѣстно, понятіе очень эластичное, способное вступать въ сочетаніе съ самыми разнообразными и нерѣдко діаметрально противоположными человѣческими представленіями.

Иногда съ нимъ связывается представленіе о постоянномъ улучшеніи и усовершенствованіи общественныхъ отношеній въ той или другой сферѣ; иногда, напротивъ, представленіе о ихъ постоянномъ ухудшеніи; а иногда подъ историческимъ прогрессомъ подразумѣвается простое *движеніе*, развитіе общественныхъ элементовъ въ томъ или другомъ направленіи, безъ всякаго отношенія къ *худшему* или къ *лучшему*. Сторонники двухъ послѣднихъ взглядовъ называются обыкновенно отрицателями прогресса, сторонники перваго—защитниками его.

Авторъ принадлежитъ къ числу его защитниковъ, къ лагерю прогрессистовъ. Онъ вѣритъ въ прогрессъ, онъ вѣритъ, что „истины въ умахъ людей" постоянно распространяются и укрѣпляются," а „справедливость расширяется въ формахъ и процессахъ жизни" (Къ русской соціально-революціонной молодежи, стр. 25). Онъ вѣритъ, что данный капиталистическій строй общества *фатально, неиз-*

бѣжно долженъ привести къ торжеству „рабочаго соціализма“ (см. „Впередъ“ № 27).

Для каждаго человѣка, вѣрующаго въ прогрессъ, каковы бы ни были его представленія о критеріи прогресса, для каждаго прогрессиста, исторія человѣческихъ обществъ представляетъ постепенное и неуклонное осуществленіе его идеала о наилучшемъ порядкѣ общежитія; иными словами: онъ вѣруетъ, что общество, по мѣрѣ развитія, постоянно совершенствуется. Потому прогрессистъ спокоенъ и самодоволенъ. Онъ знаетъ, что все идетъ къ лучшему, что сегодняшнее лучше, чѣмъ вчерашнее, а завтрашнее будетъ лучше, чѣмъ сегодняшнее; хотя онъ и допускаетъ, что „торжественное шествіе прогресса“ иногда замедляется, останавливается, сворачиваетъ съ своего прямого пути, но онъ не сомнѣвается, что, не смотря на всѣ эти уклоненія, замедленія и остановки, въ концѣ концовъ, всегда прогрессъ долженъ выбраться на торную дорогу.

Какъ же долженъ прогрессистъ относиться къ революціи?

Очевидно, съ его точки зрѣнія, революція есть не болѣе какъ одно изъ средствъ ускорить движеніе историческаго прогресса. Она не должна измѣнять *направленіе* этого движенія, она только расчищаетъ ему путь, она не перестроиваетъ заново общественнаго зданія, она только улучшаетъ его, приспособляетъ къ потребностямъ его обитателей, подвигаетъ впередъ выполненіе стараго, исторически выработаннаго плана. Она не противоположность прогресса, она только одна изъ его формъ, одинъ изъ его элементовъ; ея идеалы тѣ же, которые стремится осуществить въ жизни и историческій прогрессъ.

Все это говоритъ и авторъ въ своемъ поученіи къ русской соціально-революціонной молодежи. Прекрасно. Но вотъ тутъ-то и является самый существенный вопросъ: положимъ, революція есть одинъ изъ элементовъ прогресса,—но есть ли это элементъ *необходимый*, въ чемъ заключается его логическая неизбѣжность, его логическое оправданіе?

Авторъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ:

„Историческій прогрессъ, говоритъ онъ, заключается въ распространеніи и укрѣпленіи *истины* въ умахъ людей, въ распространеніи справедливости въ формахъ и процессахъ жизни. Первая половина его задачи неизбѣжно совершается мирнымъ путемъ; но послѣдняя (т. е. расширеніе справедливости), хотя, повидимому, и могла бы совершаться мирно, въ дѣйствительности же *почти всегда* требуетъ *болѣе или менѣе* элемента насилія (стр. 25)

Почти всегда, болѣе или менѣе, все это очень условно и неопредѣленно. Но даже это условное и весьма сомнительное оправданіе революціи ничѣмъ не доказано. Почему расширеніе справедливости въ „формахъ и процессѣ жизни“ требуетъ *почти всегда, болѣе или менѣе* элемента насилія? „Потому, отвѣчаетъ авторъ, что такъ *всегда было* (стр. 26). Но что же изъ этого? Изъ того, что такъ всегда было, вовсе еще не слѣдуетъ, что такъ всегда и будетъ, и еще меньше слѣдуетъ, что такъ всегда и быть должно. Не логичнѣе ли разсуждаютъ тѣ послѣдовательные прогрессисты, которые не надѣваютъ на себя маски революціонеровъ?

Нисколько не отрицая того факта, что до сихъ поръ большая часть справедливости, вошедшей въ формы и процессы жизни, была „завоевана съ боя,“ они утверждаютъ, что революція есть во всякомъ случаѣ явленіе ненормальное, болѣзненное и совсѣмъ не необходимое, что ее слѣдуетъ по возможности избѣгать. Для этого, говорятъ они, нужно, чтобы всѣ истинные друзья человѣчества записались на службу мирному прогрессу. Пусть они подготовляютъ ему почву, расчищаютъ дорогу; пусть они направятъ всѣ свои усилія на распространеніе и укрѣпленіе истины въ умахъ людей.

Распространяя и укрѣпляя истину, они тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать „расширенію справедливости въ фор-

махъ и процессѣ жизни," потому что: что такое *справедливость*, какъ не та же *истина*, только совершаемая не въ теоріи, а въ сферѣ практическихъ отношеній людей?

И, конечно, всякій долженъ согласиться, что, съ своей точки зрѣнія, послѣдовательные прогрессисты правы, сто разъ правы. Въ самомъ дѣлѣ, если прогрессъ состоитъ въ „укрѣпленіи и распространеніи истины въ умахъ людей и въ распространеніи справедливости въ формахъ и процессѣ жизни," если этотъ прогрессъ существуетъ, если онъ роковымъ образомъ воплощается въ исторіи, если, слѣдовательно, историческое человѣчество постоянно движется по тому пути, который ведетъ его къ окончательному укрѣпленію и распространенію истины, къ расширенію справедливости на всѣ формы и процессы жизни, то зачѣмъ и для чего намъ лѣзть изъ кожи? зачѣмъ и для чего великое дѣло прогресса подвергать всѣмъ случайностямъ революціонной борьбы? зачѣмъ эти жертвы, эта кровь, эта братоубійственная война?

Не разумнѣе, не цѣлесообразнѣе ли послѣдовать совѣтамъ не маскированныхъ прогрессистовъ и записаться на службу мирному прогрессу? Вѣдь,—по словамъ самого автора, —между *мирнымъ* и *революціоннымъ* прогрессомъ не существуетъ никакой противоположности, у нихъ одинъ и тѣ же цѣли, вся разница только въ томъ, одинъ дѣлается „чернилами и перушками," а другой—кровью и желѣзомъ." Но если одна и та же цѣль можетъ быть достигнута или при посредствѣ чернилъ и перушекъ, или при посредствѣ крови и желѣза, то, разумѣется, каждый охотнѣе предпочтетъ первое средство второму. Всякій разсудительный человѣкъ сообразитъ, что если расширеніе справедливости въ формы и процессы жизни требуютъ въ настоящее время крови и желѣза, то происходитъ это единственно отъ того, что истина еще недостаточно укоренилась и распространилась въ умахъ людей; что, когда она распространится и укоренится въ умахъ всѣхъ членовъ, общества, или хоть большинства ихъ, то

она, eo ipso, водворитъ справедливость въ ихъ жизнь и что тогда незачѣмъ будетъ прибѣгать къ крови и желѣзу. Потому-то, съ точки зрѣнія той теоріи прогресса, на которой стоитъ авторъ, самымъ вѣрнымъ, самымъ надежнымъ и самымъ прямымъ средствомъ для осуществленія „справедливости" можетъ быть только одно средство: „распространеніе и укрѣпленіе истины въ умахъ людей."

Но, увы, это вполнѣ логическое требованіе теоріи автора находится въ полномъ противорѣчіи съ требованіями революціонной практики. Первая отрицаетъ всякое принужденіе: она признаетъ, что истина не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, не должна быть распространяема и укрѣпляема путемъ желѣза и крови; вторая, напротивъ, только этотъ путь и вводитъ въ свою программу: одна предполагаетъ мирное уясненіе явленій жизни и постепенное расширеніе горизонтовъ мысли, другая—насильственное навязываніе готовыхъ идей, готовыхъ идеаловъ; одна имѣетъ въ виду убѣжденіе, другая — аффектъ и непосредственное чувство; одна толкуетъ о развитіи, воспитаніи, другая—о пропагандѣ и агитаціи; для одной нуженъ свѣтъ, просторъ, отсутствіе всякихъ излишнихъ стѣсненій и регламентацій, для другой—мракъ, тайна, дисциплина и организація.

Авторъ самъ, вѣроятно, понимаетъ всѣ эти противорѣчія и еслибы онъ желалъ быть искреннимъ и послѣдовательнымъ, ему слѣдовало бы или отказаться отъ своей теоріи прогресса или отречься отъ революціонной практики. Третьяго выбора тутъ быть не могло; одно изъ двухъ: или записаться во служеніе мирному прогрессу и ратовать за укрѣпленіе и распространеніе знаній въ умахъ людей, или сдѣлаться врагомъ этого прогресса и обѣими ногами стать въ ряды революціонныхъ борцовъ.

Но авторъ пожелалъ примирить непримиримое, объять необъятное. И вышло: ни Богу свѣча, ни черту кочерга.

Съ одной стороны, онъ говоритъ, что дѣломъ революціи слѣдовало бы повременить, пока „истина" достаточно не

укоренится и не распространится въ народѣ, т. е. въ значительномъ большинствѣ его, а съ другой — онъ согласенъ и съ тѣмъ, что ожидать наступленія этой счастливой поры значитъ убаюкивать себя неосуществимыми утопіями.

Съ одной стороны онъ настаиваетъ на необходимости только *разъяснять* явленія, т. е. дѣйствовать на умъ, а съ другой — онъ совѣтуетъ возбуждать и волновать чувства. Богиня прогресса и чертъ революціи раздираютъ его душу на части; онъ рѣшительно не знаетъ, кого изъ нихъ слушать, кому изъ нихъ вѣрить. Впрочемъ, какъ человѣкъ благовоспитаный, онъ, повидимому, во всѣхъ важныхъ случаяхъ отдаетъ предпочтеніе богинѣ передъ чертомъ. Чтобы зажать ротъ черту, онъ готовъ допустить и необходимость революціонной пропаганды и революціонной агитаціи, и революціонной организаціи. Но, допуская все это, онъ тутъ же, въ угоду богинѣ, вливаетъ въ революціонныя формулы елейное маслицо оптимистической теоріи прогресса. Требованіе революціонной пропаганды и агитаціи подтасовываются болѣе скромнымъ требованіемъ „разъясненія явленій," „распространенія и укрѣпленія истинъ рабочаго соціализма,—„раскрытіе коренныхъ причинъ общественнаго зла." И самая революціонная организація превращается, въ концѣ концовъ, въ простое орудіе, —средство, для болѣе успѣшнаго „разъясненія," „распространенія," объединенія и раскрытія вышеозначенныхъ истинъ. Злой чертъ требуетъ крови, насилія, убійствъ, разрушенія. Сантиментальная богиня приходитъ въ неописанный ужасъ отъ такихъ вандальскихъ требованій. Послушавшись черта, авторъ впадаетъ въ революціонный экстазъ, онъ призываетъ къ *суду соціальной революціи* преступниковъ, „которые идутъ съ поднятою головою воровать на биржу," преступниковъ, „которые убиваютъ рабочихъ истощеніемъ силъ на фабрикахъ и желѣзныхъ дорогахъ..." преступниковъ, „которые сосутъ кровь милліоновъ своихъ подданныхъ и носятъ на головахъ, обрызганныя этою кровью, короны.." и т. д. Онъ

призываетъ на ихъ головы народную месть, онъ (т. е. его журналъ) совѣтуетъ народу „бить, губить злодѣевъ проклятыхъ!" Онъ мечтаетъ о „кровавой зарѣ," за которою взойдетъ „солнце правды и братства людей" и т. д. (см. „Впередъ" № 12).

Но въ слѣдующемъ же № 13 „Впередъ" онъ, вдохновленный прелестною богинею, поетъ уже совсѣмъ другое. „Строитель царства справедливости—восклицаетъ онъ — борись не противъ людей, а противъ принципа!" „Страшное и печальное дѣло всякое убійство!" „Мы ведемъ войну противъ враговъ нашихъ... но какую войну? эта война совсѣмъ не то, что обыкновенно называютъ войною." „Вы, говоритъ авторъ, обращаясь ко всѣмъ защитникамъ стараго порядка подъ войною подразумѣваете грабежъ, убійство, насиліе, а мы—совсѣмъ другое. Мы видимъ даже и во врагахъ нашихъ (т. е. тѣхъ, которые стоятъ внѣ нашихъ рядовъ), нашихъ *возможныхъ* братій и жизнь каждаго такого возможнаго брата (т. е. нынѣшняго врага) должна быть для насъ *священна, какъ наша собственная.*" Авторъ, правда, соглашается, что иногда и революціонерамъ можетъ случиться надобность прибѣгать къ убійству, экспропріаціи (экспропріацію онъ называетъ грабежомъ) и насилію, но онъ называетъ эти средства *злыми* и утверждаетъ, будто ихъ почти всегда можно избѣжать. Во всякомъ случаѣ — „они внѣ области всякой нравственности," а тѣмъ болѣе внѣ области „соціально-революціонной нравственности (см. „Впередъ" № 13).

Богиня и тутъ, какъ видите, осталась побѣдительницею: она осѣдлала черта и водитъ его за рога, куда ей вздумается. Сперва она обратила подготовительно-революціонную дѣятельность въ мирное и безпечальное „укрѣпленіе и распространеніе истины въ умахъ людей"; затѣмъ, самую сущность, самый основной элементъ революціи — *насиліе*, она торжественно исключила изъ области соціально-революціонной нравственности, иными словами, признала революцію дѣломъ безнравственнымъ.

Идти дальше, конечно, нельзя!

Но что же это такое? Какъ позволяетъ молодежь водить себя такимъ образомъ за носъ? Или она не понимаетъ того, что читаетъ? Или въ ней окончательно вывѣтрился революціонный смыслъ, атрофировались революціонныя страсти и инстинкты?

Мы скорѣе склоняемся въ пользу перваго предположенія. Авторъ принадлежитъ къ числу весьма искусныхъ діалектиковъ и весьма тонкихъ софистовъ. При томъ же, вся его философія соткана изъ противурѣчій и двуемыслицъ. Не мудрено, что распутать ея причудливыя хитросплетенія для людей, не изощренныхъ въ умственной гимнастикѣ, вещь довольно трудная. Въ его обширномъ запасѣ громкихъ фразъ и отрывочныхъ мыслей, каждый находитъ что нибудь себѣ по вкусу,—этимъ и удовлетворяются, все же остальное выбрасываютъ за бортъ, какъ негодное. И такимъ образомъ, философія, взятая въ ея цѣломъ, никому по видимому, **никакого вреда не приноситъ.**

Но это только по видимому, въ сущности же совсѣмъ не такъ.

Мы уже показали, что эта философія, по общему духу и направленію, гораздо болѣе тяготѣетъ къ мирному прогрессу, чѣмъ къ революціи; что она по существу своему консервативна, анти-революціонна. Заимствуя отъ нея *кое-что*, молодежь, сама того не замѣчая, проникается ея духомъ и мало по малу деморализируется (съ революціонной, конечно, точки зрѣнія). Отдѣлить въ ней *годное* отъ *негоднаго* не такъ легко, какъ кажется; и въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ годнымъ въ головы юношей попадаетъ и масса негоднаго. И это *негодное* дѣлаетъ свое дѣло: тихо и невидимо оно, какъ ржавчина, разъѣдаетъ ихъ революціонные идеалы, искажаетъ ихъ революціонное міросозерцаніе, охлаждаетъ и обезкураживаетъ ихъ революціонные порывы.

Вотъ почему эту философію виляній и компромиссовъ, эту философію прогресса, замаскированнаго революціею, мы

считаемъ столько же, если не болѣе, вредною, для успѣха революціоннаго дѣла, какъ и безсмысленную философію анархіи.

Анархическое государство

Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся на послѣднемъ общемъ конгрессѣ анархическихъ секцій Интернаціонала (въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1874), на первомъ планѣ стоялъ вопросъ *объ общественныхъ службахъ въ будущемъ обществѣ.*

Вопросъ этотъ предварительно разсматривался въ частныхъ собраніяхъ секцій, которыя и представили конгрессу, болѣе или менѣе, выработанные проэкты организаціи общественной службы при тѣхъ новыхъ общественныхъ отношеніяхъ, которыя создастъ соціальная революція.

Два изъ этихъ проэктовъ (одинъ, представленный де-Папъ отъ имени Брюссельской секціи, другой, представленный женевскою секціею), отличающіеся наибольшею полнотою и обстоятельностью, были изданы отдѣльными брошюрами и въ прошломъ году появились въ русскомъ переводѣ подъ общимъ заглавіемъ: *„Общественная служба въ будущемъ обществѣ. Двѣ записки, представленныя на Брюссельскій Конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ, 1874.* Изданіе журнала „Впередъ." Переводъ съ французскаго, съ **предисловіемъ и примѣчаніями.**

Записки эти заслуживаютъ во многихъ отношеніяхъ самаго серьезнаго вниманія съ нашей стороны. Въ нихъ обсуждается вопросъ, составляющій одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ каждой революціонной программы, вопросъ, рѣшеніе котораго безусловно обязательно для каждой революціонной партіи, для каждаго революціонера.

Пока революціонеръ не уяснитъ себѣ, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, *какъ* и *чѣмъ* слѣдуетъ замѣнить существующій ненормальный строй общественныхъ отношеній, пока въ его головѣ не сложится хотя какого нибудь идеала

„лучшаго будущаго,"—до тѣхъ поръ отъ его дѣятельности нельзя ждать никакихъ особенно полезныхъ результатовъ; въ ней не будетъ ни устойчивости, ни послѣдовательности, ни цѣлесообразности; это будетъ дѣятельность неосмысленная, такъ сказать, инстинктивная, не заключающая въ самой себѣ никакого внутренняго, разумнаго стимула.

А между тѣмъ, для уясненія этого насущнаго революціоннаго вопроса, наша революціонная заграничная пресса не представляетъ еще до сихъ поръ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Она никогда не устаетъ толковать о томъ, что слѣдуетъ уничтожить, противъ чего нужно бороться, но чѣмъ замѣнить разбитое и уничтоженное,—объ этомъ она обыкновенно, или скромно умалчиваетъ, или, если и говоритъ, то такъ общно, такъ неопредѣленно и двусмысленно, что лучше бы уже совсѣмъ не говорить.

Благодаря этому обстоятельству, *положительная* часть всѣхъ нашихъ революціонныхъ программъ страдаетъ крайнею неясностью, спутанностью и безсодержательностью. Неясность же и безсодержательность нашихъ положительныхъ представленій о практическихъ путяхъ осуществленія общихъ принциповъ соціальной революціи, съ одной стороны, отталкиваетъ отъ насъ много весьма интеллигентныхъ общественныхъ силъ и вредитъ распространенію въ обществѣ революціонныхъ идей, съ другой—вноситъ въ нашу партію опасные расколы и разъединенія, парализирующія успѣхъ нашего дѣла. Мы убѣждены, что всѣ эти расколы, всѣ эти фантастическія *партіи* въ партіи не могли бы имѣть мѣста, разъ положительная сторона революціонной программы выяснится съ возможною точностью и опредѣленностью.

Поучительный примѣръ въ этомъ случаѣ представляютъ намъ двѣ упомянутые выше записки объ организаціи общественныхъ службъ. Онѣ составлены анархистами; онѣ обсуждались, получили одобреніе на анархическихъ секціяхъ; наконецъ, были разсмотрѣны и санктированы конгрессомъ

анархистовъ; однимъ словомъ, онѣ представляютъ положительный идеалъ анархической фракціи Интернаціонала.

И что же мы видимъ? Чуть господа анархисты сдѣлали попытку спуститься съ туманныхъ высотъ абстрактной и безсодержательной фразеологіи на реальную почву конкретныхъ фактовъ, чуть только они стали уяснять себѣ практическій вопросъ объ организаціи общественныхъ службъ, какъ сейчасъ же и оказалось, что всѣ ихъ нападки на *государственниковъ* основаны на простомъ недоразумѣніи, на непониманіи, какъ своихъ собственныхъ идеаловъ, такъ и идеаловъ своихъ противниковъ.

Иначе, разумѣется, и быть не могло. Самый лучшій способъ провѣрить какую нибудь отвлеченную доктрину это—сдѣлать изъ нея практическіе выводы и примѣненія. Если ихъ будетъ дѣлать человѣкъ, или недобросовѣстный, или лишенный здраваго практическаго смысла, то онъ неизбѣжно придетъ къ абсурдамъ, очевиднымъ для всякаго. Это и случилось съ нашими русскими заграничными анархистами. Если же за это дѣло возьмется человѣкъ добросовѣстный, или одаренный практическимъ смысломъ, то онъ столь же неизбѣжно долженъ придти къ результатамъ, прямо противурѣчащимъ его фальшивой теоріи, къ результатамъ, разоблачающимъ съ конкретною ясностью всю ея лживость и нелѣпость.

Такъ именно случилось съ бельгійскими и французскими анархистами. Брюссельская и Женевская записки объ организаціи общественныхъ службъ, исходя, по видимому, изъ анархическихъ началъ, развивая анархическую программу, въ концѣ концовъ пришли къ выводамъ, совершенно уничтожающимъ ихъ исходную точку зрѣнія.

Вотъ почему, помимо причины, указанной выше, мы считаемъ себя обязанными подвергнуть эти записки самому обстоятельному анализу.

Начнемъ съ самаго начала. Опредѣлимъ прежде всего съ возможною точностью самый предметъ, о которомъ онѣ

трактуютъ. *Организація общественныхъ службъ*... но что же такое *общественная служба*? Что подразумѣваютъ подъ этимъ **терминомъ брюссельскіе и женевскіе анархисты.**

„Мы придали бы словамъ *общественная служба* слишкомъ обширный смыслъ—говоритъ Брюссельская записка—если бы подвели подъ нихъ всякую службу или всякую работу, полезную или даже абсолютно необходимую для коллективности, для общества, работу, безъ которой оно не можетъ обойтись безнаказанно. Въ этомъ случаѣ слѣдовало бы прежде всего смотрѣть, какъ на общественную службу, на производство предметовъ первой необходимости: земледѣліе, трудъ хлѣбниковъ и мясниковъ, постройка жилищъ были бы въ особенности общественною службою" (стр. 3). И такъ тотъ признакъ, что общественная работа, отправленіе извѣстныхъ обязанностей „полезно или даже абсолютно-необходимо" для общества, еще не составляетъ характеристической особенности понятія объ общественной службѣ. Слѣдовательно, понятіе это должно опредѣляться какимъ нибудь другимъ признакомъ. Какимъ же? Брюссельская записка отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „лишь тѣ общеполезныя работы составляютъ или должны составлять общественную службу, которыя: 1) или вовсе не имѣли мѣста, будучи предоставлены частной инціативѣ, или уклонились бы въ этомъ случаѣ отъ надлежащаго ихъ назначенія; 2) которыя было бы опасно оставлять въ частныхъ рукахъ, чтобы онѣ не обратились бы въ монополію; 3) которыя требуютъ обширнаго совокупнаго труда, комбинированныхъ усилій большаго числа рабочихъ." Но всѣ эти свойства почти въ одинаковой степени присущи всѣмъ родамъ общественной работы. Возьмите какую угодно общественную работу,—хотя, напримѣръ, работу по производству предметовъ первой необходимости,—„земледѣліе, трудъ хлѣбниковъ, мясниковъ, постройку жилищъ" и предоставьте ее (какъ это имѣетъ мѣсто при настоящихъ общественныхъ отношеніяхъ) въ исключительное завѣдываніе частныхъ лицъ, отдайте ее въ

руки частной инціативы, и она неизбѣжно обратится въ монополію, „уклонится отъ своего надлежащаго назначенія." Вся исторія человѣческихъ обществъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ этого, а priori, впрочемъ, очевиднаго факта. Анархисты сами знаютъ это не хуже насъ. Почему же они исключаютъ изъ понятія общественной службы работы по производству предметовъ первой необходимости земледѣліе, трудъ хлѣбниковъ, мясниковъ и т. д.? Очевидно, въ ихъ умѣ (какъ и въ умѣ каждаго человѣка) съ этимъ понятіемъ соединяется какое-то другое представленіе, представленіе, о которомъ они почему-то тщательно умалчиваютъ. Но, быть можетъ, женевскіе анархисты были откровеннѣе брюссельскихъ? Быть можетъ, въ ихъ запискѣ мы найдемъ болѣе точное опредѣленіе общественной службы?

Поищемъ.

„Общественная служба—читаемъ мы въ женевскомъ отчетѣ—получается во всѣхъ случаяхъ, когда служба (т. е работа) по самой сущности своей связана съ общими интересами коллективности: при всякомъ учрежденіи, созданномъ для объединенія производительныхъ группъ, во всякой организаціи, содѣйствующей облегченію ихъ сношеній, касающихся обращенія продуктовъ и ихъ сохраненія" (стр. 77). Но вѣдь это опредѣленіе еще обширнѣе и всеобъемлющѣе **того, какое даетъ Брюссельская записка.**

Возможно ли себѣ представить такую общеполезную работу, которая „по самой сущности своей" не была бы связана „съ общими интересами коллективности?" Очевидно, подобное представленіе не мыслимо. Слѣдовательно, понятіе объ общественной службѣ должно было бы совпадать съ понятіемъ о всякой общеполезной работѣ. Но нѣтъ, и женевскіе анархисты, подобно брюссельскимъ, подразумѣваютъ подъ *общественною, служебною* работою какую-то особенную работу, специальную, чѣмъ-то отличающуюся отъ обыкно-

венной работы вообще. Опредѣлить это *чтмъ-то* они не могутъ или просто не желаютъ. Однако, мы сами можемъ это сдѣлать, перебравъ всѣ общественныя работы, которыя они подводили подъ категорію общественныхъ службъ.

По мнѣнію Брюссельской записки общественная служба подраздѣляется на слѣдующія категоріи:

а) Служба, гарантирующая общественную безопасность: законодательство, юстиція и полиція;

б) Служба по изготовленію мѣръ, вѣсовъ, монетъ, и контроль надъ ними;

в) Служба по изготовленію и выдачѣ свидѣтельствъ о личности, веденіе списковъ о движеніи народонаселенія и, вообще, завѣдываніе статистикой;

г) Служба по общественному призрѣнію;

д) Служба по общественному преподаванію, служба въ общественныхъ библіотекахъ, въ музеяхъ, зоологическихъ и ботаническихъ садахъ, астрономическихъ и метеорологическихъ обсерваторіяхъ, охраненіе коллекцій по части наукъ, искусствъ и промышленности, научныя экспедиціи и т. д.;

е) Служба по гигіенѣ и общественному здоровью;

ж) Служба по общественнымъ работамъ; сюда относятся: завѣдываніе путями сообщенія, сухопутными (конными и желѣзнодорожными) и морскими; почты, телеграфы, содержаніе и постройка общественныхъ зданій и памятниковъ, содержаніе фонтановъ и водопроводовъ, очистка уличныхъ нечистотъ, завѣдываніе сточными трубами и т. д.;

з) Служба по устройству общественныхъ базаровъ и рынковъ.

и) Наблюденіе за содержаніемъ лѣсовъ и парковъ, надзоръ надъ рудниками и каменноугольными копями, каменоломнями и, вообще, надъ экстрактивными и другими отраслями

производствъ, имѣющими мѣста на общественной землѣ, устройство общинныхъ бань, мірскихъ запасныхъ магазиновъ, скотобоенъ, театровъ, музыкальныхъ консерваторій и проч.;

і) Администрація финансовъ, завѣдующая общественными доходами и расходами.

Женевская записка даетъ съ своей стороны слѣдующій списокъ общественныхъ службъ:

а) Статистика финансовая и промышленная;

б) Завѣдываніе общественными лѣсами, рудниками, каменоломнями, рѣчнымъ и морскимъ рыболовствомъ;

в) Общественное обученіе, школы, устройство и поддержка музеевъ, библіотекъ, научныхъ коллекцій, лабораторій и т. п.

г) Общественная гигіена;

д) Завѣдываніе путями сообщенія судоходными и морскими, почты и телеграфы;

е) Общественная безопосность: полиція и юстиція;

ж) Общественная защита, армія, флотъ, сухопутная и морская полиція, и

з) Финансы: подати и ихъ взысканіе.

Какъ видите, оба списка общественныхъ службъ весьма сходны, съ тою только разницею, что брюссельскій списокъ исключаетъ службы по защитѣ (армію и флотъ), а женевскій—по общественному призрѣнію. Но оба эти пропуска произошли очевидно по недоразумѣнію, или, лучше сказать, по забывчивости: дойдя до пункта о *войскѣ*, составители брюссельской записки *забыли*, что ихъ проэктъ организаціи общественныхъ службъ имѣетъ въ виду не общество въ отдаленномъ будущемъ, а общество на другой день послѣ революціи, общество, въ которомъ (какъ это видно

изъ самаго проэкта) продолжаютъ еще существовать и семья, и частная собственность, и *товарное* производство. Они вообразили, будто они имѣютъ дѣло съ обществомъ, въ которомъ „общественная задача" уже рѣшена и положенъ конецъ, „какъ борьбѣ классовъ, такъ и борьбѣ народовъ" (стр. 9). Въ такую же точно ошибку впали и составители женевской записки, исключивъ изъ своего проэкта службу „по общественному призрѣнію." Мы не станемъ придираться къ этимъ ошибкамъ, какъ это дѣлаетъ русскій переводчикъ въ своихъ примѣчаніяхъ, примѣчаніяхъ, преисполненныхъ еще большими промахами и ошибками, отличающихся еще большею сбивчивостію и неопредѣленностію; мы должны брать во вниманіе не отдѣльныя мѣста или фразы, а общій смыслъ, общій же смыслъ вполнѣ уясняется приведенными выше перечнями разнообразныхъ видовъ общественной службы, исчисленныхъ въ обѣихъ запискахъ. Общество, имѣющее надобность въ полиціи и жандармахъ, общество, гдѣ еще имѣютъ мѣсто тяжбы и процессы, гдѣ есть *преступники*, гдѣ существуютъ тюрьмы и исправительныя колоніи — такое общество, конечно, еще не можетъ быть названо „окончательно устроеннымъ," вполнѣ воплотившимъ въ жизнь идеи соціальной революціи. Это общество переходное, общество, дѣлающее лишь первые шаги на пути соціальныхъ реформъ.

Перебирая длинный списокъ „общественныхъ службъ," проектируемыхъ женевскими и брюссельскими анархистами, мы должны признать, что всѣ они существуютъ и въ современномъ буржуазно-феодальномъ обществѣ; только въ современномъ обществѣ онѣ распредѣлены между различными органами общественнаго управленія съ несравненно большею систематичностью и логичностью, чѣмъ въ анархическихъ проэктахъ. Составители этихъ проэктовъ, очевидно, совершеннѣйшіе профаны по части государство- и общество-вѣдѣнія; они дѣлаютъ такія грубыя ошибки въ классификаціи общественныхъ службъ, которыхъ ни за что

бы не сдѣлалъ самый посредственный изъ первокурсниковъ каммеральнаго или юридическаго факультета. Если бы ихъ законодательные проэкты могли быть осуществимы, то въ общественномъ управленіи произошелъ бы такой хаосъ, такая путаница, которая немедленно должна была бы вызвать реакцію въ пользу стараго, до революціоннаго государственнаго строя.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ самыхъ элементарныхъ *промаховъ* (чтобы не выражаться слишкомъ рѣзко) анархическихъ законодателей. Въ женевской запискѣ, напр., *полицейская* служба разбита почему-то на двѣ рубрики: подъ рубрикою *е) Общественная безопасность* стоятъ: *Полиція* и *Правосудіе*; подъ рубрикою *з) Защита*,—мы опять находимъ какую-то *сухопутную* и морскую *полицію*. Интересно знать, въ какомъ отношеніи будутъ находиться между собою обѣ эти полиціи? Объ этомъ записка благоразумно умалчиваетъ. Въ той же запискѣ подъ рубрику *и) Финансы*—отнесены лишь *подати* и ихъ *взысканіе*, т. е. собираніе доходовъ, *расходы* же отнесены подъ рубрику *а) Статистика*. Составители проэкта никогда, повидимому, не слыхали, что общественные расходы принадлежатъ къ области общественныхъ финансовъ и что, напротивъ, *взысканіе податей* скорѣе должно быть отнесено къ области полицейской, чѣмъ финансовой службы. Завѣдываніе путями сообщенія, въ томъ числѣ желѣзными дорогами и пароходными сообщеніями, подведено подъ рубрику *б) Общественныя сношенія*, а *содержаніе* и *сбереженіе* топлива для желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. п. отнесено подъ рубрику *б) Содержаніе, распредѣленіе и сбереженіе естественныхъ продуктовъ почвы* и т. п.

Точно такіе же промахи, такое же смѣшеніе разнородныхъ и разъединеніе однородныхъ функцій мы находимъ и въ Брюссельской запискѣ, напр., подъ рубрику „гигіены и общественнаго здравія" отнесены „всѣ мѣры, клонящіяся къ улучшенію здоровья народонаселенія," и въ то же время—

распредѣленіе воды въ городахъ, содержаніе водопроводовъ, очистка городскихъ нечистотъ и т. п. обязанности, относящіяся къ области городской гигіены, отнесены брюссельскими законодателями подъ рубрику „общественныхъ работъ." Подъ эту рубрику свалена вообще масса *службъ* самыхъ разнообразныхъ: санитарныхъ, полицейскихъ, строительно-техническихъ и т. п. Управленіе общественными работами завѣдуетъ путями сообщенія, почтами, телеграфами, устройствомъ гаваней и рейдовъ, освѣщеніемъ, очисткою и ремонтомъ улицъ, газовыми заводами и т. п. Устройство же и содержаніе общественныхъ прачешныхъ, пекарень, скотобоень, мірскихъ запасныхъ магазиновъ, музыкальныхъ консерваторій, театровъ и т. п. составляетъ особый видъ общественной службы, отличный отъ „гигіены и общественнаго здравія" и отъ „общественныхъ работъ." При этомъ замѣчательно еще, что тутъ подъ одну и ту же категорію подводится устройство консерваторій и скотобоень, театровъ и общественныхъ бань, запасныхъ мірскихъ магазиновъ и прачешныхъ, какъ будто и баня, и театръ, и консерваторія, и скотобойня—вещи совершенно однородныя! Къ администраціи финансовъ, брюссельская записка, подобно женевской, относитъ одно только „завѣдываніе общественными доходами." Устройство общественныхъ базаровъ и рынковъ, доковъ, складовъ и пр. должно составлять, по мнѣнію брюссельскаго проэкта, особый родъ общественной службы, отличный отъ всѣхъ предъидущихъ. Точно также, въ особый родъ службы возведено покровительство сиротамъ, найденнымъ или оставленнымъ родителями, дѣтямъ, помѣшаннымъ, однимъ словомъ, всѣмъ, кто не можетъ о себѣ заботиться самъ и лишенъ „своихъ естественныхъ покровителей." Вообще, все, что обыкновенно относится къ вѣдомству полиціи, въ брюссельскомъ проэктѣ изъято изъ сферы ея дѣятельности и совершенно произвольно разбито на нѣсколько самостоятельныхъ родовъ общественной службы, не имѣющихъ, повидимому, между собою никакого соотношенія.

Однако, какъ ни великъ хаосъ классификаціи общественныхъ службъ въ обѣихъ запискахъ, эта классификація представляетъ, во всякомъ случаѣ, не болѣе, какъ плохую копію съ классификаціи общественныхъ службъ современныхъ намъ обществъ. Потому, для того, чтобы опредѣлить тотъ существенный признакъ, который отличаетъ общественную службу отъ общеполезной работы вообще, намъ нужно только уяснить истинный смыслъ понятія объ общественной службѣ въ данномъ обществѣ. Всѣ тѣ разнообразныя общественныя отправленія, которыя анархисты подводятъ подъ категорію общественной службы, всѣ онѣ составляютъ, въ своей совокупности, то, что въ данномъ обществѣ называется *государственнымъ и общественнымъ управленіемъ*. Слово управленіе равнозначуще слову *власти*. Всякое управленіе хотя бы его объектомъ были водосточныя трубы, предполагаетъ власть.

И, дѣйствительно, разбирая всѣ только что перечисленныя нами категоріи общественныхъ службъ, проэктированныхъ анархистами, вы убѣдитесь, что всѣ онѣ не имѣли бы никакого практическаго смысла, если бы имъ не была присуща нѣкоторая доля власти. Мы уже не будемъ говорить о законодательствѣ, полиціи, юстиціи и войскѣ,—но возьмите, хоть „службу по гигіенѣ и общественному здравію," можетъ ли оно удовлетворительно рѣшить свою задачу, если оно не будетъ облечено *властію* принуждать людей подчиняться тѣмъ или другимъ требованіямъ общественной и частной гигіены?

Служба по общественному образованію (соотвѣтствующая тому, что въ современномъ обществѣ называется министерствомъ народнаго просвѣщенія) теряетъ всякій смыслъ, если лица, отправляющія ее, не будутъ имѣть права принуждать учителей школы и родителей подчиняться извѣстнымъ, для всѣхъ обязательнымъ программамъ элементарнаго обученія, если они лишены будутъ власти контролировать недостаточную дѣятельность и направлять ее къ осуществленію той

высшей цѣли, къ которой должно стремиться общественное воспитаніе съ точки зрѣнія принциповъ социальной революціи.

Трудно себѣ также представить, въ чемъ можетъ заключаться *завѣдываніе* путями сообщенія, почтами и телеграфами, если люди, завѣдующіе ими, не будутъ имѣть власти установлять правила и дѣлать распоряженія, обязательныя для всѣхъ гражданъ, желающихъ пользоваться почтою, телеграфами, судоходными и морскими сообщеніями?

Какой смыслъ могло бы имѣть установленіе общихъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, если бы тѣ, которые ихъ установляютъ, не имѣли власти дѣлать ихъ для всѣхъ обязательными, не дозволяя къ употребленію и изъемля изъ обращенія **фальшивые вѣсы и мѣры и фальшивыя монеты?**

Мало того, даже чисто статистическія работы, разъ онѣ возведены въ общественную службу, необходимо предполагаютъ, съ одной стороны, что лица, завѣдующія ими, имѣютъ право и власть требовать отъ гражданъ всѣ нужныя для ихъ работъ статистическія свѣдѣнія и матеріалы; съ другой—что граждане *обязаны* доставлять ихъ имъ, безъ **фальши и утайки.**

Вообще, невозможно себѣ представить ни одной такой общественной службы, которая могла бы осуществиться безъ атрибута *власти*. Власть это ея постоянный, наиболѣе существенный элементъ, это тотъ характеристическій признакъ, который отличаетъ ее отъ всякой общеполезной работы вообще. Едва только какая нибудь общеполезная работа возводится въ *общественную службу*, какъ она становится *властью* (конечно, властью въ предѣлахъ своей дѣятельности), а люди, отправляющіе ее *-людьми власти*. При этомъ, рѣшительно все равно, будутъ ли эти люди по *собственному призванію* отправлять ту или другую общественную службу, или ихъ будетъ назначать какая нибудь верховная власть, община, федерація, законодательное собраніе и т. п.

Теперь мы безъ труда можемъ понять, почему анархисты не могли дать точнаго опредѣленія термину „общественная служба," почему они такъ тщательно скрывали тотъ существенный признакъ, который отличаетъ ее отъ полезной работы вообще. Скажи она прямо, безъ виляній и двусмысліцъ, *что* обыкновенно подразумѣвается и *что* необходимо должно подразумѣваться подъ общественною службою— и для всѣхъ стало бы вполнѣ очевиднымъ, что ихъ проэкты *организаціи общественной службы* суть ни что иное какъ проэкты *организаціи общественной власти*. Отрицать власть въ принципѣ и въ то же время сочинять проэкты организаціи власти—это, разумѣется, не совсѣмъ послѣдовательно. И вотъ, чтобы замаскировать эту непослѣдовательность, они и рѣшились прибѣгнуть къ фальсификаціи понятія общественной службы.

Однако, эта фальсификація лишь на минуту могла замаскировать бьющую въ глаза непослѣдовательность. Анализируя въ подробностяхъ, *какъ* и *кѣмъ* будутъ отправляться общественныя службы, составители Брюссельской записки увидѣли себя въ необходимости торжественно сознаться, что службы эти, въ ихъ совокупности, составляютъ въ сущности то, что называется *государствомъ* и что, слѣдовательно, въ своей запискѣ они хотѣли только представить проэктъ **организаціи будущаго государства.**

„Развѣ мы можемъ не называть государствомъ, говорятъ они, эту свободную группировку, если цѣль ея заключается именно въ приведеніи въ дѣйствіе, при помощи администраціи, спеціально для этого назначенной, тѣхъ отраслей общественной службы, которыя составляютъ главную функцію **государства**" ? (стр. 21)

Но какъ же это? Анархисты, анти-государственники пишутъ проэкты организаціи государства? Значитъ, они признаютъ его необходимость? Да, логика, здравый смыслъ, эти невольные враги всякой анархіи, заставили ихъ, волею-неволею, **сдѣлать это признаніе.**

И признаніе это такъ замѣчательно, что мы приводимъ его цѣликомъ, съ буквальною точностью. Читая его, наши читатели не должны забывать, что оно вышло изъ среды анархической секціи Интернаціонала, предполагалось для конгресса анархистовъ и что заграничные анархисты отнеслись къ нему вообще (за весьма немногими исключеніями) довольно сочувственно.

„Какъ? восклицаютъ брюссельскіе анархисты, если данное учрежденіе (государство) всегда было организовано дурно, если оно всегда служило лишь средствомъ для эксплуатаціи, слѣдуетъ ли изъ этого, что его надо уничтожить, въ то же время признавая необходимость возстановить его на началахъ болѣе соотвѣтствующихъ новымъ понятіямъ?

Если общественное обученіе до сихъ поръ имѣло лишь цѣлью распространять въ массахъ предразсудки и въ то же время доставлять привиллегированнымъ классамъ орудіе притѣсненія и эксплуатаціи, слѣдуетъ ли изъ этого, что общественное обученіе должно быть отмѣнено?

Если промышленность до сихъ поръ служила лишь для большаго обѣдненія бѣдняка и большаго обогащенія богатаго, развѣ слѣдуетъ поэтому проповѣдывать уничтоженіе промышленности?“

„Еще недавно рабочіе, видя, что замѣнившія ихъ машины, вытѣсняютъ ихъ изъ мастерскихъ, враждовали противъ машины и ломали ихъ. Война машинамъ! кричали они устами Модлатовъ. Теперь они поняли, что—машина вещь полезная и даже необходимая для общества, которое не можетъ иначе существовать, какъ производя въ большихъ размѣрахъ, и они кричатъ: машины должны быть наши! Что же? Государство есть машина; это орудіе, совершающее (?) большія отрасли общественной службы. Подобно всѣмъ машинамъ, и эта машина необходима для большихъ размѣровъ современнаго производства и для большихъ размѣровъ обращенія продуктовъ этого производства. Подобно всѣмъ прочимъ машинамъ, существованіе и этой машины было гибельно для рабочихъ; до сихъ поръ она дѣйствовала исключительно въ интересахъ привиллегированныхъ классовъ. *Чтобы положить конецъ этому, рабочіе должны овладѣть этою машиной.* Но, овладѣвая ею, надо внимательно присматриваться: не слѣдуетъ ли въ этой машинѣ произвести нѣкоторыя важныя измѣненія, чтобы она никого не поранила... „Произведя эти измѣненія, мы можемъ сказать: *„рабочіе, машина должна быть наша, государство должно принадлежить намъ!“* (стр. 21, 22, 23)

И такъ, сами анархисты сознаютъ, что требовать уничтоженіе государства такъ же дико и нелѣпо, какъ и требовать уничтоженіе машинъ. Нѣтъ, говорятъ они, не уничтожать мы его должны, мы должны овладѣть имъ, вырвать его изъ рукъ привиллегированныхъ классовъ и передать его въ руки рабочихъ; изъ орудія эксплуатаціи и консерватизма превратить его въ орудіе соціальной революціи!

Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, они продолжаютъ называть себя анти-государственниками и анархистами? Составители Брюссельской записки, съ похвальною откровенностью, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ: „мы удерживаемъ за собою кличку анархистовъ, потому что слово анархія внушаетъ ужасъ буржуазіи“ и потому что оно намъ нравится“ (стр. 23)

Вотъ это, по крайней мѣрѣ, чистосердечно. Если бы на буржуазію наводило ужасъ слово „дуракъ,“ они называли бы себя *дураками*, подобно тому, какъ называли себя *оборванцами* (гезами) нидерландскіе инсургенты, какъ называютъ себя *виги* англійскіе либералы. Анархія для нихъ не болѣе, какъ условный ярлыкъ, лишенный всякаго внутренняго смысла, ярлыкъ, который они наклеили на свое знамя единственно только для того, чтобы запугать буржуазію и, который, однако же, ихъ ровно ни къ чему не обязываетъ.

Въ виду такого категорическаго признанія, мы рѣшительно не можемъ понять, зачѣмъ это понадобилось составите-

лямъ брюссельской записки доказывать — и доказывать въ ущербъ здравому смыслу—будто проектируемое ими государство будетъ совсѣмъ не *архія* (власть), а *ан-архія* (безвластіе) что это будетъ *анархическое государство* (т. е. государство антигосударственное). *Анархическое государство*.. можно ли подобрать болѣе несообразное сочетаніе словъ: вѣдь это все равно, что сказать *архическая анархія*, *безвластная власть* или *властное безвластіе*! Но если сочетаніе словъ несообразно, то еще несообразнѣе должна быть та аргументація, которая старается оправдать его. Дѣйствительно, желая увѣрить „своихъ друзей анархистовъ" въ возможности существованія анархическаго государства, авторы Брюссельской записки разсуждаютъ такимъ образомъ: „суть власти, конечно, состоитъ не въ актѣ исполненія принятыхъ рѣшеній, исполненія вотированныхъ законовъ, не въ *управленіи* (а какъ же можно управлять безъ власти?) разными видами общественной службы.. а въ актѣ составленія закона и сообщенія ему обязательной силы Но законодательство можетъ вовсе не принадлежать государству (?), вовсе не входить въ число правъ, ему присвоенныхъ; законы могутъ быть вотированы непосредственно въ общинахъ..." (стр. 23 и 24)

Что это? Шутятъ люди или говорятъ серьезно?

Если они говорятъ серьезно, то зачѣмъ же они говорятъ такія глупости? Неужели они не понимаютъ, что передать законодательную власть общинамъ значитъ передать имъ одну изъ главнѣйшихъ функцій государства, иными словами: не разрушить государственную власть, а, напротивъ, создать изъ каждой общины самостоятельное государство.

Неужели, наконецъ, они въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что „вся суть" государственной власти заключается въ правѣ издавать законы, т. е. въ законодательной власти? Но какой же смыслъ могло бы имѣть это право, если бы рука объ руку съ нимъ не шло право *принуждать* къ исполненію „принятыхъ рѣшеній," „вотированныхъ законовъ," т. е

если бы рядомъ съ властью законодательною не стояла власть исполнительная? Разъ они допустили въ своемъ государствѣ послѣднюю власть, они неизбѣжно должны признать и необходимость авторитарнаго государства.

Имъ угодно называть это авторитарное государство—государствомъ анархическимъ. Ну, что же, пускай себѣ называютъ, мы знаемъ уже, что слово анархія имѣетъ для нихъ лишь чисто условное значеніе. Посмотримъ же теперь, въ какія формы должно (по ихъ проэктамъ) воплотиться это анархическое государство, какіе принципы должны лечь въ его основу и на сколько оно можетъ быть *революціонно*, т. е. на сколько оно можетъ содѣйствовать практическому осуществленію въ жизни идей соціальной революціи.

По мнѣнію Женевской записки, въ основу анархическаго государства долженъ лечь федеративный принципъ, оно должно представлять собою не болѣе, какъ свободную федерацію свободныхъ и совершенно самостоятельныхъ общинъ, которыя, въ свою очередь, суть ни что иное, какъ „добровольные союзы производительныхъ группъ."

Такимъ образомъ „производительныя группы," т. е. группы рабочихъ извѣстной профессіи, живущихъ на извѣстной территоріи, составляютъ какъ бы ячейку будущаго государства; союзъ этихъ группъ образуетъ общину, союзъ общинъ **федерацію или государство.—**

Какія именно общественныя службы должны входить въ область дѣятельности государства (федераціи) и какія—въ область общины и „производительной группы," Женевская записка не даетъ на этотъ вопросъ точнаго и обстоятельнаго отвѣта. Очевидно, ея составители, если и имѣли на этотъ счетъ какія нибудь представленія, то только очень смутныя и неопредѣленныя. Основываясь, однако, на томъ, что ихъ община должна представлять собою вполнѣ свободный и независимый союзъ „производительныхъ группъ," можно предполагать, что она будетъ пользоваться самой широкою автономіею во всемъ, что касается ея внутренняго

управленія, ея общественнаго и экономическаго благоустройства, иными словами, что большая часть общественныхъ службъ будетъ находиться въ ея исключительномъ завѣдываніи. Дѣйствительно, мы читаемъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ записки, что „производство, распредѣленіе и обращеніе товаровъ (то есть самыя важныя функціи народной жизни) будутъ опредѣляться, ограничиваться и регулироваться группами самихъ производителей." Въ другомъ мѣстѣ говорится, что охраненіе общественной безопасности, въ предѣлахъ общины, должно всецѣло принадлежать послѣдней." Община же должна заботиться объ общественномъ здоровьи, наблюдать за обманами, могущими имѣть мѣсто на рынкахъ, а также наблюдать за соблюденіемъ гигиеническихъ правилъ, касающихся мастерскихъ, заводовъ и фабрикъ всѣхъ родовъ.

Вообще, изъ функцій экономическихъ и функцій общественнаго управленія на федерацію возлагается лишь: наблюденіе за путями сообщенія и за передвиженіемъ товаровъ изъ общины въ общину, равно какъ и между-общинная полиція. Управленіе же всѣхъ прочихъ общественныхъ функцій предоставляется самой общинѣ. Только по вопросу объ общественномъ воспитаніи сдѣлана важная уступка въ пользу государства. Государству поручается „общее руководство всего, что касается обученія," равно какъ и выработка общей элементарной программы образованія, обязательной для всѣхъ общинъ.

Не будь этой непослѣдовательности, непослѣдовательности, заставившей составителей записки признать въ одно и то же время и необходимость полной автономіи общинъ и необходимость „государственной централизаціи преподаванія и программъ": — государство, по идеалу женевскихъ анархистовъ, было бы вполнѣ и безусловно децентрализаціоннымъ. Между составляющими его общинами не существовало бы никакого органическаго единства, такъ что каждая община, взятая сама по себѣ, составляла какъ бы самостоя-

тельное и совершенно независимое государство въ государствѣ, т. е. въ такъ называемой *общинной федераціи*.

Понятно, что подобная общинная федерація, лишенная всякой реальной силы, представляющая собою не болѣе, какъ средній итогъ, средній выводъ изъ всѣхъ входящихъ въ ея составъ общинныхъ единицъ,—не могла бы оказывать на послѣднія никакого существеннаго вліянія, напротивъ, оно само находилось бы подъ постояннымъ ихъ давленіемъ и вся его дѣятельность сводилась бы лишь къ нѣкоторому обобщенію и регулированію ихъ единичныхъ дѣятельностей. Слѣдовательно, по существу своему, это федеративное государство должно бы было имѣть чисто консервативный характеръ и его задача заключалась бы не въ разрушеніи и пересозданіи того, что есть, а лишь въ охраненіи и защитѣ *существующаго*, на сколько это *существующее* признается и поддерживается тою или другою общиною.

Революціонно-социальный характеръ могутъ имѣть лишь общины, какъ непосредственные устроители и полновластные распорядители своей внутренней жизни, своего общественнаго и экономическаго быта.

Но при какомъ же условіи онѣ дѣйствительно будутъ имѣть этотъ характеръ? Очевидно, только при томъ условіи, когда всѣ или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство лицъ, входящихъ въ общинный союзъ, въ союзъ производительныхъ группъ, будетъ проникнуто революціонными принципами, когда оно будетъ ясно понимать задачи рабочаго соціализма, *глубоко* и *искренне* желать ихъ практическаго осуществленія. Необходимо при томъ, чтобы подобное условіе имѣло мѣсто во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ, въ подавляющемъ большинствѣ общинъ. Въ противномъ случаѣ, осуществленіе соціальныхъ принциповъ въ революціонированныхъ общинахъ будетъ встрѣчать постоянное противудѣйствіе со стороны общинъ консервативныхъ. Если перевѣсъ матеріальной силы будетъ на сторонѣ послѣднихъ, противудѣйствіе это

выразится въ открытой борьбѣ, борьбѣ, которая неизбѣжно должна окончиться побѣдою стараго порядка надъ новымъ, традиціи надъ идеаломъ. Если же силы будутъ распредѣлены болѣе или менѣе равномѣрно, такъ что открытая борьба не въ состояніи будетъ дать никакихъ положительныхъ результатовъ, то совмѣстное существованіе двухъ противуположныхъ общественныхъ началъ неизбѣжно должно будетъ привести къ постепенному вырожденію и окончательному вырожденію того начала, которое не успѣло еще пустить глубокіе корни въ душу историческаго человѣка, съ которымъ **онъ еще не успѣлъ *сжиться*, къ которому онъ еще не** успѣлъ приурочить мыслей, интересовъ и потребностей своей природы, т. е. **начала соціально-революціоннаго.**

Такая политическая форма, проэктируемая женевскими анархистами, можетъ только тогда повести къ соціальной революціи, когда весь народъ или подавляющее большинство его проникнется идеями рабочаго соціализма и страстнымъ желаніемъ осуществить эти идеи на практикѣ. Пока же не случится этого, ихъ государство будетъ на столько же (если не больше) консервативно, какъ и нынѣшнее, и ихъ революція будетъ имѣть чисто политическій характеръ.

Но, когда же это можетъ случиться, да и можетъ ли, вообще, когда нибудь случиться при существующемъ консервативномъ государствѣ? Самые рѣшительные, самые преданные анархисты допускаютъ эту возможность лишь въ очень и очень отдаленномъ будущемъ. Что же дѣлать до тѣхъ поръ? Ждать и не отваживаться на открытую борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей, отлагать дѣло революціи въ безконечно долгій ящикъ? Но въ нашей ли это власти?

Составители Брюссельской записки отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Государственная организація снизу вверхъ, говорятъ они, и говорятъ совершенно справедливо, предполагаетъ полную группировку рабочихъ въ ремесленныя общества; но, надо признаться, что эта группировка и

въ средѣ собственно промышленныхъ рабочихъ едва лишь началась, что же касается земледѣльческихъ рабочихъ, то аналогичные примѣры мы видимъ лишь въ Англіи да въ Испаніи съ послѣдняго времени. Пройдетъ не мало времени, пока это движеніе на столько разовьется и окрѣпнетъ, чтобы создать общину въ общинѣ, государство въ государствѣ."

„А, между тѣмъ, буржуазія располагается: всѣ буржуазныя государства, болѣе или менѣе, приближаются къ банкротству, законное истерзаніе и нищету пролетаріата большихъ городовъ и большихъ промышленныхъ центровъ, такъ какъ жажда справедливости въ немъ слишкомъ сильна, чтобы выжидать, пока весь пролетаріатъ, при обычномъ, медленномъ ходѣ дѣлъ, дорастетъ до него въ умственномъ отношеніи: рабочій классъ въ иныхъ странахъ, а именно въ Англіи и Германіи, стѣдуетъ по политическому пути, который ведетъ его сегодня посредствомъ легальныхъ мѣръ, но завтра, быть можетъ, посредствомъ мѣръ революціонныхъ, не къ разрушенію существующаго государства организованнаго сверху внизъ, а къ захвату его въ свои руки и къ употребленію громадной центральной власти, находящейся въ его распоряженіи, на дѣло эмансипаціи пролетаріата; если это явленіе будетъ имѣть мѣсто среди одного изъ этихъ народовъ, оно можетъ отозваться потрясеніемъ и другихъ..."

Въ виду всего этого, не можетъ ли имѣть мѣсто, спрашиваютъ составители Брюссельской записки, такой случай, что прежде чѣмъ организація рабочаго класса въ ремесленныя общества получитъ достаточное развитіе, „обстоятельства принудятъ пролетаріатъ большихъ городовъ установить *коллективную диктатуру* надъ остальнымъ населеніемъ и сдѣлать это впродолженіи революціоннаго періода достаточно долгаго для того, чтобы устранить всѣ препятствія, лежащія на пути къ освобожденію рабочаго класса."

„Для насъ очевидно, продолжаетъ записка, что въ этомъ случаѣ одною изъ первыхъ мѣръ, которую придется при-

нять этой коллективной диктатурѣ, будетъ захватъ всѣхъ видовъ крупной общественной службы, экспропріація въ интересахъ общей пользы всѣхъ компаній, владѣющихъ желѣзными дорогами, рудниками, каналами, пакетботами, большими металлургическими заводами, и объявленія всего ихъ имущества, орудій, машинъ, построекъ, земли и проч. государственною собственностью..." Такимъ образомъ, „всѣ большія предпріятія, всѣ отрасли крупной общественной службы должны будутъ очутиться въ рукахъ государства и притомъ не того федеративнаго государства, которое организовано снизу вверхъ свободною федерацією общинъ, но *государства авторитарнаго, образовавшагося сверху внизъ, говоря прямо, — государства диктаторскаго*" (Общественныя службы, Брюссельская записка стр. 25—27).

И такъ, умные анархисты не только признаютъ необходимость, но считаютъ даже совершенно неизбѣжнымъ *авторитарно-диктаторское государство* въ томъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, когда насильственный переворотъ опередитъ ходъ *легальнаго* прогресса, опередитъ мирную революцію, совершающуюся подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды въ чувствахъ, понятіяхъ, идеалахъ, привычкахъ и традиціяхъ большинства народа. Но вѣдь этотъ-то случай и имѣютъ въ виду соціалисты-революціонеры, вѣдь на него-то они и разсчитываютъ; слѣдовательно, установленіе авторитарнаго государства должно быть ближайшею и непосредственною цѣлью всѣхъ ихъ стремленій.

Но если это такъ, то задача революціонера, желающаго уяснить себѣ общественную организацію, долженствующую *на другой день послѣ революціи* замѣнить данную до-революціонную организацію общества, сводится къ опредѣленію функцій дѣятельности авторитарнаго государства и отношенія его къ различнымъ общественнымъ элементамъ.

Только при помощи этого государства, по словамъ Брюссельской записки, можетъ быть осуществлена соціальная революція въ ближайшемъ будущемъ, слѣдовательно, на

немъ только одномъ и должно теперь сосредоточиться вниманіе всѣхъ тѣхъ, которые, подобно составителямъ этой записки, понимаютъ, что „пролетаріатъ большихъ городовъ и большихъ промышленныхъ центровъ... не можетъ выжидать, пока весь остальной пролетаріатъ, при обычномъ медленномъ ходѣ дѣлъ, дорастетъ до него въ умственномъ отношеніи, которые понимаютъ, что организація снизу будетъ, болѣе или менѣе, далекимъ результатомъ соціальной революціи, а не пунктомъ ея отправленія и сигналомъ къ ней" (стр. 26).

Но тутъ мы опять натыкаемся на противорѣчіе. Составители записки признаютъ, что, по всей вѣроятности, отправнымъ пунктомъ соціальной революціи будетъ не государство анархическое, а авторитарное, и въ то же время, разбирая вопросъ о томъ, „что долженъ будетъ предпринять пролетаріатъ *на другой день послѣ своей побѣды*", рекомендуютъ ему государство анархическое. Но что же онъ будетъ дѣлать съ этимъ государствомъ, когда оно по существу своему анти-революціонно, когда оно, вмѣсто того, чтобы централизировать въ его рукахъ всю ту силу, которая ему необходима для осуществленія идей соціализма, децентрализируетъ ее, т. е. разробляетъ, а слѣдовательно, ослабляетъ ее?

Но, быть можетъ, они смотрятъ на свое анархическое

*) По смыслу обѣихъ записокъ, фраза: „на другой день послѣ побѣды пролетаріата" совсѣмъ не означаетъ окончательнаго торжества новыхъ общественныхъ началъ надъ старыми, полнаго и всесторонняго осуществленія въ жизни соціалистическаго идеала. Напротивъ подъ „побѣдой пролетаріата" подразумѣвается только та побѣда, которую онъ одержитъ надъ политическою силою современнаго государства, та побѣда, которая, сдѣлавъ его хозяиномъ своей судьбы, откроетъ ему возможность приступить къ постепенному пересозданію историческаго общества, сообразно съ потребностями и интересами трудящейся массы.

государство только, какъ на нѣкоторый отдаленный идеалъ будущаго, какъ на такую общественную форму, которая должна, такъ сказать, завершить, а не служить практическимъ *средствомъ* осуществленія соціальной революціи? Дѣйствительно, Брюссельская записка прямо говоритъ, какъ мы это видимъ, что организація государства снизу (т. е. образованіе того, что она называетъ анархическимъ государствомъ) будетъ болѣе или менѣе далекимъ послѣдствіемъ соціальной революціи...“

Однако же, когда она приступаетъ къ анализу различныхъ функцій этого государства, она приписываетъ ему такого рода дѣятельности, которыя прямо указываютъ на его революціонный характеръ. Такъ, напримѣръ, она возлагаетъ на обязанность общины „выкупъ недвижимыхъ имуществъ у ихъ нынѣшнихъ собственниковъ или въ формѣ прямой выплаты или заявляя, что всякая плата, вносимая за квартиры, будетъ считаться выкупнымъ взносомъ за собственность до тѣхъ поръ, пока не окупится сполна вся ея стоимость.“ На общину же возлагается обязанность служить „посредницею между производствомъ и потребителями въ тотъ періодъ, когда еще предполагается существующимъ институтъ торговли, кредита, денегъ, индивидуальной собственности и, вообще, большей части экономическихъ учрежденій стараго, историческаго общества. Ей же поручается „общественная благотворительность и общественное призрѣніе,“ при чемъ кругъ дѣятельности послѣдняго состоитъ главнымъ образомъ въ покровительствѣ сиротамъ, найденышамъ или дѣтямъ, оставленнымъ родителями, однимъ словомъ, всѣмъ, кто не можетъ самъ о себѣ заботиться и лишенъ своихъ естественныхъ покровителей (стр. 7).

Подобнаго рода дѣятельность, очевидно, предполагаетъ существованіе *семьи* стараго общества, существованіе *имущихъ* и *неимущихъ*. Наконецъ, если мы вспомнимъ, что Брюссельская записка вводитъ въ число общественныхъ службъ анархическаго государства полицію и уголовное

правосудіе, что она, слѣдовательно, предполагаетъ существованіе преступленій и необходимость карательныхъ мѣръ, то для насъ будетъ совершенно ясно, что она, подобно Женевской запискѣ, смотритъ на свое государство, не какъ на одинъ изъ далекихъ результатовъ соціальной революціи, не какъ на ея окончательное завершеніе, а какъ на ближайшее средство для ея осуществленія, какъ на одинъ изъ практическихъ способовъ общественнаго переустройства. Оно будетъ, судя по характеру его „общественныхъ службъ,“ функціонировать въ *переходное время*, т. е. въ тотъ именно подготовительный періодъ, который начнется съ того дня, какъ пролетарій захватитъ власть въ свои руки и до того момента, когда коммунистическія начала окончательно восторжествуютъ надъ началами стараго общества, когда изъ условій общественной жизни и изъ міра человѣческихъ понятій, идеаловъ, чувствъ, традицій будутъ вытѣснены безвозвратно всѣ слѣды даннаго экономическаго порядка, данныхъ, исторически сложившихся привычекъ и воззрѣній.

А между тѣмъ, сама же Брюссельская записка признаетъ, что въ этотъ подготовительный періодъ, въ періодъ борьбы стараго міра съ новымъ, пролетаріатъ долженъ быть облеченъ „диктаторскою властью, и что одною изъ первыхъ мѣръ, которую придется принять этой коллективной диктатурѣ, будетъ захватъ всѣхъ видовъ крупной общественной службы,“ „экспропріація, въ пользу государства,“ „всѣхъ компаній, владѣющихъ желѣзными дорогами, рудниками, каналами и т. п., „ихъ имуществъ, орудій, машинъ, земель и т. п.“ Очевидно, что эта экспропріація, которая должна будетъ, по логикѣ вещей, распространиться и на орудія, машины, земли и т. п., находящіяся въ рукахъ частныхъ лицъ, послужитъ отправнымъ пунктомъ экономической реорганизаціи общества.

Какъ поступитъ государство съ экспропріированными землями? Оно можетъ или обратить ихъ въ свою собствен-

ность или передать ихъ въ собственность крестьянскимъ общинамъ.*)

Но, какъ бы то ни было, станетъ ли государство само заниматься эксплуатаціею земель въ обширныхъ размѣрахъ или оно будетъ сдавать ихъ мелкими участками во временное владѣніе рабочихъ артелей и ассоціацій, или же, наконецъ, предоставитъ въ собственность общинамъ, во всякомъ случаѣ, опредѣленіе условій обработки и пользованія этими землями, условій производства и распредѣленія продукта будетъ зависѣть всецѣло отъ него одного. То же самое можно сказать о заводахъ, фабрикахъ, рудникахъ и всѣхъ вообще орудій производства, экспропріированныхъ государствомъ и предоставленныхъ имъ въ пользованіе рабочихъ ассоціацій. Слѣдовательно, фактъ экспропріаціи (какъ

*) По мнѣнію Брюссельской записки, „въ странахъ, гдѣ господствуетъ крупное сельское хозяйство, гдѣ значительныя пространства земли подвергаются общей систематической обработкѣ или, по крайней мѣрѣ, входятъ въ составъ одного владѣнія и захватываютъ нерѣдко нѣсколько общинъ; въ странахъ, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, историческія традиціи выработали въ народѣ взглядъ на землю, какъ на національную собственность, въ этихъ странахъ, почти навѣрное можно сказать, что поземельная собственность сдѣлается непосредственною собственностью всего народа (т. е. государства), а не общинъ (напр. въ Англіи). Въ тѣхъ странахъ, гдѣ большая часть земли (напр. въ С. А. Штатахъ), и до сихъ поръ еще составляетъ собственность государства, намъ кажется, очевиднымъ... вопросъ тоже будетъ рѣшенъ въ смыслѣ обращенія земли въ собственность націи. Что же касается странъ, гдѣ господствуетъ мелкое хозяйство и мелкое землевладѣніе, здѣсь вопросъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ рѣшенъ скорѣе въ смыслѣ передачи поземельнаго имущества общинамъ; при этомъ останется только впослѣдствіи произвести, болѣе или менѣе, равномѣрное распредѣленіе земель между различными общинами, принимая за основаніе пространство и цѣльность остальныхъ участковъ" (см. Брюс. зап. 44—45).

бы ни было поступлено съ экспропріированнымъ имуществомъ) сдѣлаетъ государство полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ *организаціи* труда и *распредѣленія* его продуктовъ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, на всѣхъ пунктахъ подвластной ему территоріи.

Когда оно, пользуясь своими матеріальными средствами и нравственными силами, введетъ, наконецъ, повсемѣстно такую организацію труда, которая вполнѣ будетъ соотвѣтствовать интересамъ рабочихъ массъ, т. е. идеаламъ коммунизма, тогда, и только тогда, будутъ „устранены всѣ препятствія, лежащія на пути къ освобожденію рабочаго класса" (стр. 21)—и только тогда, по словамъ Брюссельской записки, можетъ начать функціонировать анархическое государство.

Но вѣдь тогда уже не будетъ существовать ни индивидуальной собственности, ни семьи (какъ необходимаго ея постулята) ни кредита, ни денегъ, ни мѣнового обращенія товаровъ, не будетъ существовать и никакихъ поводовъ къ преступленіямъ, не будетъ надобности въ карательномъ правосудіи, ни въ тюрьмахъ, ни въ жандармахъ; слѣдовательно, почти всѣ тѣ общественныя службы, которыя въ настоящее время брюссельскіе и женевскіе прожектеры возлагаютъ на общину, потеряютъ всякое raison d'être. Мало того, разъ коммунистическая система производства и потребленія будетъ осуществлена въ практической жизни, разъ общественное воспитаніе, руководимое государствомъ, вполнѣ проникнется духомъ и принципомъ этой системы,—какъ уже и самое понятіе объ *общественной службѣ* утратитъ всякій разумный смыслъ.

Мы уже показали выше, что никакая общественная служба не мыслима безъ *власти*, безъ *принужденія*; что именно этотъ-то элементъ власти принужденія и составляетъ тотъ характеристическій признакъ, который выдѣляетъ предетавленіе о ней изъ представленія объ „общеполезной работѣ" вообще. Но при полномъ осуществленіи въ жизни

идеи братства, равенства, при устраненіи „всѣхъ препятствій, лежащихъ на пути къ освобожденію“ человѣчества отъ ярма экономическаго рабства, эксплуатаціи и конкуренціи,—не можетъ быть болѣе рѣчи о власти и принужденіи.

Слѣдовательно, будущій строй общества исключаетъ самое понятіе объ общественной службѣ. Что же касается до „переходнаго времени,“ до того революціоннаго періода, черезъ который придется пройти современному историческому обществу, прежде чѣмъ оно воплотитъ въ жизнь коммунистическіе идеалы, то въ этотъ періодъ, по словамъ самой же Брюссельской записки, должна имѣть мѣсто лишь „коллективная диктатура,“ т. е. государство централистическое и авторитарное, государство, которое одно только и можетъ (опять таки говоря словами Брюссельской записки) „устранить всѣ препятствія, лежащія на пути къ освобожденію рабочаго класса.“

Какой же послѣ этого имѣетъ смыслъ *анархическое государство*, проэктированное брюссельскими и женевскими законодателями? Какъ идеалъ будущаго оно не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ оно исключительно приноровлено къ условіямъ даннаго, современнаго намъ историческаго общества, такъ какъ оно предполагаетъ и семью, и индивидуальную собственность, и мѣну, и деньги, и полицію, и тюрьмы, и войско, и жандармовъ. Какой же это идеалъ?—Помилуйте! Вѣдь это только *новая оболочка для стараго* содержимаго!

Какъ переходная форма отъ стараго порядка къ новому, оно еще меньше годится, потому что, децентрализируя общины, ослабляетъ силу ревалюціоннаго пролетаріата и до безконечности затрудняетъ его борьбу „съ препятствіями, лежащими на пути къ освобожденію рабочаго класса.“ Чѣмъ децентрализованнѣе государство, чѣмъ болѣе раздроблены и разъединены правящія силы, тѣмъ оно консервативнѣе, это азбучная истина государственной науки. Бур-

жуазія давно уже освоилась съ этой истиной и потому всѣ ея наиболѣе проницательные публицисты и экономисты, начиная отъ Прудона и кончая какимъ нибудь Жирарденомъ и Дюпонъ-Вайтомъ, являются ярыми защитниками правительственной децентрализаціи, апостолами и пропагандистами пресловутаго принципа „государственнаго невмѣшательства.“ Они понимаютъ, что чѣмъ децентрализованнѣе государство, тѣмъ больше преобладаютъ мѣстные, индивидуальные, эгоистическіе интересы надъ интересами общечеловѣческими и, слѣдовательно, тѣмъ ему труднѣе осуществлять какія бы то ни было радикальныя реформы, преслѣдующія послѣдніе въ ущербъ первымъ.

Составители Брюссельской записки тоже это понимаютъ, но они, къ несчастію, не умѣютъ быть послѣдовательными: признавъ съ одной стороны необходимость установленія въ періодъ борьбы новыхъ общественныхъ началъ со старыми, государства авторитарнаго, они, съ другой стороны, рекомендуютъ для того же „переходнаго времени“ свои прожекты *анархическаго государства*. При этомъ, какъ у нихъ, такъ отчасти и у женевцевъ, идеалъ этого анархическаго государства представляется какимъ-то уродливымъ гермофротдитомъ, чѣмъ-то среднимъ между идеаломъ анархіи и госдаурственности. Они возлагаютъ на него весьма важныя общественныя службы по народному образованію, по обмѣну товаровъ между общинами, экспропріяціи и эксплуатаціи земель, рудниковъ, путей сообщенія, и въ то же время, предоставляютъ общинѣ полную внутреннюю автономію, какъ будто исполненіе подобныхъ общественныхъ службъ совмѣстно съ полною общинною автономіею, какъ будто послѣдняя совмѣстна съ правомъ государства руководить общественнымъ образованіемъ, завѣдывать почтами, телеграфами и всѣми путями сообщенія, сухопутными и морскими, военными силами, содержать свою полицію и своихъ жандармовъ, имѣть свою, государственную собственность, наблюдать за обращеніемъ товаровъ и т. п.

Этотъ гермофродитизмъ анархическаго государства, это видимое противурѣчіе принциповъ, лежащихъ въ его основѣ, логически обусловливается тѣмъ ненаучнымъ, произвольнымъ методомъ, при помощи котораго оно строилось.

Составители записокъ, вмѣсто того, чтобы начать съ начала, т. е. съ той „отправной точки," которою, по мнѣнію Брюссельской записки, должно быть государство авторитарное, соціалистически-революціонное, и затѣмъ показать, какъ постепенно, по мѣрѣ „устраненія препятствій, лежащихъ на пути къ освобожденію рабочаго класса," — это государство будетъ вырождаться въ общину — коммуну; какъ одна за другою будутъ отпадать отъ него различныя общественныя службы, и какъ, наконецъ, политическая организація общества сольется съ его экономической организаціею и совершенно поглотится ею; вмѣсто того, они, взявъ „за исходную точку зрѣнія современный порядокъ вещей, настоящіе роды общественной службы," нѣкоторыя изъ отраслей этой службы совсѣмъ исключили, нѣкоторыя прибавили,—и изъ этого винигрета они состряпали свой проэктъ организаціи общественной службы въ будущемъ обществѣ, проэктъ, представляющій какую-то странную амальгаму того, что *есть*, съ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, *должно бы быть*. Отрывки настоящаго съ отрывками будущаго, отдаленный идеалъ и рядомъ грубый эмпиризмъ, жандармы, тюрьма, войско, личная собственность, семья, и рядомъ—регулированіе производства и распредѣленіе товаровъ производительными группами, какія-то „Торговыя Агентства," полная автономія общины, автономія личности и т. п.—все это произвольно сбито въ одну кучу.

Понятно, что подобная куча не можетъ представлять никакого органическаго единства и, разбирая составныя ея части, вамъ приходится постоянно спрашивать себя: какая волшебная сила ухитрилась связать ихъ во едино и подвести подъ одинъ общій ярлыкъ—анархическое государство?

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. К.К.П. (б.)